

**ТУВЕ
ЯНССОН**
ОПАСНОЕ
ЛЕТО

ТУВЕ ЯНССОН

Опасное лето

**ТУВЕ
ЯНССОН**

ОТЯСНОЕ
ЛЕТО

ДОЧЬ
СКУЛЬПТОРА

ТУВЕ ЯНССОН

Опасное лето

•
Дочь скульптора

Иллюстрации
автора

Санкт-Петербург
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»
1998

УДК 82-93
ББК 84.4 Фн
Я 65

Оформление Вадима Пожидаева

FÄRLIG MIDSOMMAR © TOVE JANSSON
First published (1954) by Schildts Förlag, Finland

Издатель выражает благодарность
Schildts Förlags AB, Finland

ISBN 5-7684-0620-4
ISBN 951-50-0878-6 (фин.)

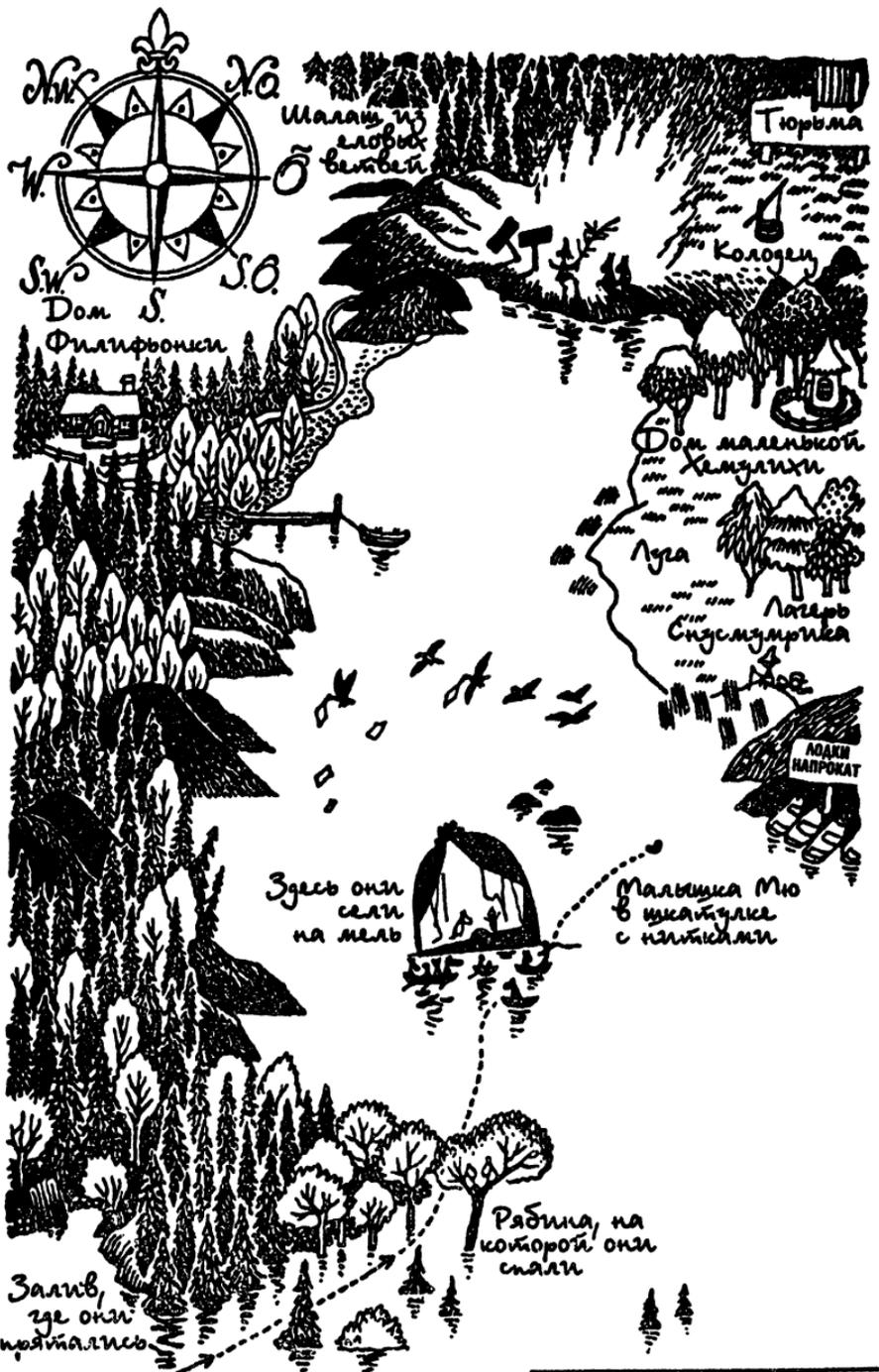
© Л. Брауде, перевод, 1998
© Е. Паклина, перевод, 1998
© «Азбука»—«Терра», русское издание,
1998

ОТРАСНОЕ ЛЕТО

КАРТА
ЗАЛИВА
ТРАНЪВИКЕН

Шалаши из еловых ветвей

Тюрма

Дом С. Филармониса

Колодезь

Дом маленькой Хелли

Луга

Лагерь Синдзюмрика

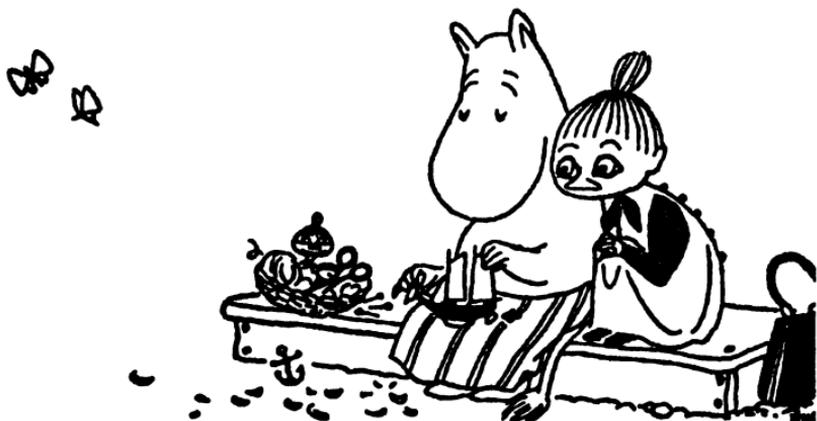
АДЫН НАПРОКАТ

Здесь они сели на мель

Мальшица Мю в шкапчике с птичками

Рядина, на которой они спали

Залив, где они встретились

ПЕРВАЯ ГЛАВА

О берестяном кораблике и огнедышащем вулкане

Мама Муми-тролля сидела на крыльце, на самом солнышке, и мастерила кораблик из бересты.

«Насколько я помню, у галеаса два больших паруса сзади и несколько маленьких треугольных впереди, у бушприта», — думала она.

Больше всего ей пришлось повозиться с рулем, а вот трюм получился легко и быстро. И маленькая крышка для люка, которую мама сделала из бересты, была точь-в-точь такой, как нужно. Крышка плотно закрыла отверстие, а ее тонкие края оказались вровень с палубой.

«Теперь и шторм не страшен», — подумала про себя мама и с облегчением вздохнула.

Рядом на ступеньках, поджав колени к груди, сидела Дочь Мюмлы и наблюдала, как Муми-мама укрепляет штаги* булавочками из цветного стекла, а макушки мачт украшает красными флажками.

— Кому достанется этот кораблик? — замирающим голосом спросила Дочь Мюмлы.

— Муми-троллю, — ответила Муми-мама и стала искать в шкатулке подходящую цепочку для якоря.

— Не толкайся! — раздался тонюсенький голосок из шкатулки.

— Душка! — сказала Муми-мама Дочери Мюмлы. — Твоя сестричка снова в моей шкатулке. Там полно иголок, смотри, чтобы она не укололась.

— Мю! — строго прикрикнула Дочь Мюмлы, пытаясь вытащить сестру из клубка шерсти. — Сейчас же вылезай!

Но малышка Мю еще глубже зарылась в клубок, а потом и вовсе исчезла в нем.

— Просто беда, что она уродилась такой маленькой, никогда не знаешь, где она, — пожаловалась Дочь Мюмлы. — А ты не сделаешь берестяной кораблик и для нее? Тогда

* Канат от верхней части мачты до носа, удерживающий мачту от падения назад.

Мю сможет плавать в бочке с водой, и я по крайней мере не буду ее искать.

Мама засмеялась и вытащила из сумки кусочек бересты.

— Как ты думаешь, он выдержит малютку Мю? — спросила она.

— Конечно, — ответила Дочь Мюмлы. — Но тебе придется сделать еще спасательный пояс из бересты.

— Можно, я порежу нитки? — запищала Мю из шкатулки.

— Сделай милость, — ответила Муми-мама.

Она сидела и любовалась парусником, раздумывая, не забыла ли она сделать еще какую-нибудь деталь? Внезапно прямо на палубу кораблика, который мама держала в лапах, стал медленно опускаться большой клок черной сажи.

— Фу-фу! — воскликнула, сдувая сажу, Муми-мама.

Но в воздухе кружилось столько хлопьев сажи, что скоро Муми-мама запачкала себе мордочку.

— Просто беда с этой огнедышащей горой! — вздохнула она и поднялась на ноги.

— Огнедышащей горой? — удивилась малышка Мю и высунулась из шкатулки.

— Ну да, здесь поблизости есть гора, которая начала извергать огонь, — пояснила

Муми-мама. — А теперь еще и сажу. С тех пор как я вышла замуж, она молчала, а вот сейчас, стоило мне вывесить белье для просушки, расфыркалась, и все мое белье почернело...

— Значит, скоро все сгорит! — радостно закричала Мю. — Сгорят все дома, сады, игрушки муми-троллей, их маленькие братики и сестрички!

— Глупости говоришь! — добродушно сказала Муми-мама, смахнув с мордочки сажу, и пошла искать Муми-тролля.

У подножия холма, справа от того места, где между деревьями висел гамак папы Муми-тролля, находилось небольшое болотце, наполненное прозрачно-рыжеватой водой. Мюмла всегда утверждала, что посередине оно бездонное. Наверно, она была права. По краям болотца росли кустики с глянцевыми широкими листьями, на которых отдыхали стрекозы и водяные пауки, а под водой с важным видом шныряли длинноногие козявки. Чуть глубже золотистым блеском светились лягушачьи глаза, а порой можно было видеть быстрые тени каких-то таинственных лягушачьих родичей, живших в самой глубине болотца, в иле.

Муми-тролль, свернувшись клубочком на зеленовато-желтом мху и осторожно поджав под себя хвост, лежал на своем обычном

месте (вернее, на одном из них). Задумчиво и умиротворенно глядел он в воду, прислушиваясь к шороху стрекозиных крыльев и сонному жужжанию пчел.

«Кораблик для меня, — думал он. — Он обязательно будет моим! Летом мама всегда мастерит берестяной кораблик тому, кого больше всех любит. Правда, она иногда отдает кораблик кому-нибудь другому, чтобы никого не обидеть. Сейчас я загадаю: если

этот водяной паук поплывет на восток — шляпки на кораблике не будет. Если же паук отправится на запад — мама сделает шляпку, такую крохотную, что ее и в лапы будет страшно взять».

Водяной паук лениво потащился на восток, и на глаза Муми-тролля навернулись слезы.

Внезапно зашуршала трава, и среди ее метелок показалась Муми-мама.

— Привет! — сказала она. — У меня для тебя кое-что есть.

Она осторожно спустила парусник на воду. Он плавно и красиво закачался над своим зеркальным отражением и сразу же тронулся в путь, словно всегда только и делал, что плавал.

И хотя Муми-троль увидел, что мама забыла сделать шляпку, он ласково потерся мордочкой о ее мордочку (ощущение было такое, будто прикасаешься к белому бархату) и сказал:

— Такого хорошего кораблика у тебя еще никогда не получалось!

Они сидели рядышком на мху и смотрели, как парусник пересек болотце и причалил к маленькому листочку.

Они слышали, как неподалеку от дома Дочь Мюмлы звала малышку Мю.

— Мю! Мю! — кричала она. — Несносный ребенок! Мю-у-у-у! Приди только домой, я оттаскаю тебя за волосы!

— Она снова где-то спряталась, — сказал Муми-тролль. — Помнишь, как мы нашли ее в твоей сумке?

Муми-мама кивнула головой. Она сидела, свесив мордочку к зеркальной глади воды, и рассматривала дно.

— Там что-то блестит, — сказала она.

— Твой золотой браслет, — ответил Муми-тролль. — Или браслет фрёкен Снорк. Хорошо я придумал?

— Очень! — ответила мама. — Теперь мы всегда будем хранить наши украшения в прозрачно-рыжеватой воде. Там они кажутся куда красивей.

Дочь Мюмлы стояла на крыльце и охрипшим голосом все еще звала сестренку. Она знала, что малышка Мю сидит в одном

из своих многочисленных тайничков и хихикает.

«Ей бы выманить меня отсюда с помощью меда, — думала Мю, посмеиваясь, — и отколотить хорошенько, когда вылезу!»

— Послушай-ка, Дочь Мюмлы! — закричал Муми-папа со своей качалки. — Если ты будешь так кричать, она никогда не придет.

— Я кричу только для очистки совести, — деловито пояснила Дочь Мюмлы. — Когда мама уезжала, она сказала: «Я оставляю на тебя младшую сестру. Если ты не сможешь воспитать ее, никто другой этого не сделает. Я-то отступилась от нее с самого дня ее рождения».

— Ну, тогда понятно, — сказал Муми-папа. — Ори себе на здоровье, коли тебе так спокойнее.

Он взял со стола кусочек испеченного к завтраку кекса, осторожно огляделся по сторонам и обмакнул кекс в кувшинчик со сливками.

Стол был накрыт на пятерых, а шестая тарелочка стояла под столиком на веранде, так как Дочь Мюмлы говорила, что там она чувствует себя свободнее.

Тарелочка Мю была, разумеется, совсем крохотной и пряталась в тени цветочной вазы посреди стола.

Тут показалась Муми-мама. Она бежала со всех ног по садовой дорожке.

— Не торопись, милая, — сказал ей папа. — Мы уже поели прямо в кладовке.

На веранде мама перевела дух и посмотрела на накрытый стол. Скатерть почернела от копоты.

— Охо-хо-хо, — простионала мама. — Ну и жара! А сажит-то сколько! Ох уж эта Огнедышащая гора!

— Будь гора чуть поближе, мы по крайней мере сделали бы пресс-папье из настоящей лавы, — мечтательно сказал папа.

И в самом деле — было жарко.

Муми-тролль по-прежнему лежал на мшистом берегу болотца и глядел на небо. Оно было совсем белое, похожее на серебряную пластинку. Он слышал, как внизу у моря перекликались морские птицы.

«Будет гроза», — сонно подумал Муми-тролль и вылез из мха. Как всегда перед переменной погодой, небо озарялось удивительными сполохами. Он начал тосковать по Снусмумрику.

Снусмумрик был его лучшим другом. Конечно, ему еще страшно нравилась фрёкен Снорк, но дружба с девочкой — это ведь совсем другое.

Снусмумрик был на редкость невозмутимым и очень много знал, однако никогда не выставлял это напоказ. Лишь иногда рассказывал о

своих путешествиях, и тогда его собеседник испытывал чувство гордости, словно сам совершил их втайне вместе со Снусмумриком. Когда выпадал снег, Муми-тролль погружался вместе со всеми в зимнюю спячку, а Снусмумрик отправлялся странствовать на юг и возвращался в долину Муми-дален лишь следующей весной.

Но этой весной он не вернулся.

Муми-тролль все время, как только проснулся от зимней спячки, ждал его, хотя другим ничего не говорил. Когда над долиной появились стаи птиц, а снег, нанесенный с севера, растаял, Муми-тролль заволновался. Никогда еще Снусмумрик так не задерживался в пути. Наступило лето, и место у реки, где всегда разбивал свою палатку Снусмумрик, заросло зеленой травой, словно там никто никогда не жил.

Муми-тролль все еще ждал его, но уже не так терпеливо. Устав от ожидания, он мысленно осыпал Снусмумрика упреками.

Однажды фрёкен Снорк завела за обедом разговор о Снусмумрике.

— Как долго его нет в этом году, — сказала она удивленно.

— Откуда ты знаешь, может, он вовсе не придет, — сказала Дочь Мюмлы.

— Наверняка его проглотила Морра! — закричала малышка Мю. — Или он свалился в пещеру и разбился в лепешку!

— Тише, тише, — одернула ее Муми-мама. — Снусмумрик не пропадет!

«Кто его знает, — думал Муми-тролль, медленно прогуливаясь по берегу реки. — *Существуют* же на свете морры и полицейские. И еще пропасти, куда можно свалиться. Можно замерзнуть, взлететь на воздух. В мире много опасностей. Там никому нет дела до тебя и никому не интересно знать, что ты любишь и чего боишься.

А Снусмумрик в старой зеленой шляпе ходит по белу свету... И еще есть сторож в парке, его заклятый враг, опасный-преопасный...»

Муми-тролль остановился на мосту и мрачно стал смотреть на воду. Тут чья-то лапка легко коснулась его плеча. Он вздрогнул и резко обернулся.

— А, это ты, — сказал он.

— Мне очень грустно, — промолвила фрёкен Снорк и с мольбой взглянула на него из-под челки.

Венок из фиалок обвивал ушки фрёкен Снорк. Она все утро проскучала. Но Муми-тролль в ответ лишь буркнул что-то неопределенное.

— Поиграем? — предложила фрёкен Снорк. — Представь себе, что я писаная красавица и ты похищаешь меня.

— Я что-то не в настроении, — ответил Муми-тролль.

Ушки фрёкен Снорк поникли. Тогда он быстро потерся мордочкой о ее мордочку и сказал:

— Незачем представлять, ведь ты и в самом деле писаная красавица. Лучше я похищу тебя завтра.

Июньский день подходил к концу, спустились сумерки. Но жара не спадала.

В сухом, горячем воздухе летала копоть. Семья муми-троллей сникла, притихла, никому не хотелось говорить. Муми-мама решила, что они будут спать в саду. Она приготовила всем постельки в уютных уголках тут и там и у каждой поставила по маленькому ночнику, чтобы никто не чувствовал себя одиноко.

Муми-тролль и фрёкен Снорк свернулись клубочком под кустами жасмина. Но сон не шел.

Ночь была необычная, зловеще тихая.

— Как душно! — жаловалась фрёкен Снорк. — Я верчусь с боку на бок, простыня сбилась, и скоро я стану думать о разных грустных вещах.

— И мне тоже не спится, — ответил Муми-тролль.

Он сел и посмотрел в сад. Казалось, все спали, и ночники безмятежно светились у постелей.

Внезапно кусты жасмина задрожали.

— Ты видел? — спросила фрёкен Снорк.

— Теперь все снова спокойно, — ответил Муми-тролль.

В тот же миг ночник опрокинулся в траву. Цветы вздрогнули, и чуть заметная трещина медленно поползла по земле. Она все ползла-ползла и наконец исчезла под матрасом. А вынырнув из-под матраса, стала шире. В нее посыпались земля и песок, и тут же зубная щетка Муми-тролля скатилась прямо в темную впадину.

— Щетка совсем новая! — закричал Муми-тролль. — Ты видишь ее?

Он сунул было мордочку в трещину, стараясь рассмотреть щетку. И в тот же миг земля, слегка чмокнув, сомкнулась над ней.

— Она ведь совсем новая, — удивленно повторил Муми-тролль. — Синяя.

— Хуже было бы, если бы застрял твой хвост! — утешила Муми-тролля фрёкен Снорк. — Тогда бы ты просидел здесь всю жизнь!

Муми-тролль тотчас поднялся.

— Идем, — позвал он. — Будем спать на веранде!

Перед домом стоял Муми-папа и водил мордой, принюхиваясь.

Из сада доносились тревожные звуки, взлетали стаи птиц, шелестела трава под лапками убегающих лесных зверюшек.

Малышка Мю высунула головку из подсолнечника, который рос возле крыльца, и восторженно закричала:

— Сейчас как грохнет!

Внезапно под ногами у них раздался негромкий гул. Они услышали, как попадали в кухню кастрюли.

— Уже пора завтракать? — спросонок закричала мама. — Что случилось?

— Ничего, моя дорогая, — успокоил ее папа. — Это всего лишь Огнедышащая гора шевелится. (Подумать только, сколько можно понаделать теперь пресс-папье из лавы...)

Теперь проснулась и Дочь Мюмлы. Все стояли на веранде, облокотившись на перила и вглядываясь в темноту.

— А где эта гора? — спросил Муми-тролль.

— На маленьком островке, — ответил папа. — Это такой маленький черный островок, где ничего не растет.

— А не кажется ли тебе, что это чуть-чуть опасно? — прошептал Муми-тролль и сунул свою лапку в папину.

— Охо-хо, — ласково протянул папа. — И вправду, чуточку опасно.

Муми-тролль согласно кивнул.

И тут они услышали страшный грохот. Он шел со стороны моря. Сначала послышался

рокот, который становился все сильнее и наконец перешел в рев. Среди белой ночи они увидели, как что-то невероятно огромное взметнулось над верхушками деревьев. Оно вздымалось все выше и выше, а на самой верхушке красовался белый шипящий гребень.

— Пойдемте-ка в гостиную, — сказала Муми-мама.

Едва они перетащили хвосты за порог, как шипящий водный поток подкатил к долине Муми-дален, и все потонуло в сплошной кромешной тьме. Дом закачался, но устоял, потому что это был очень прочный дом. Гостиную начало заливать водой, и мебель поплыла. Тогда вся семья перебралась на самый верхний этаж и уселась там, выжидая, пока не стихнет буря.

— Такой погоды я с детства не припомню, — возбужденно сказал папа и зажег свечу.

Ночь была тревожная, что-то грохотало и трещало за стенами, и тяжелые волны стучались в окна.

Муми-мама рассеянно уселась в кресло-качалку и принялась раскачиваться взад и вперед.

— Это что, конец света? — любопытствовала малышка Мю.

— Ничего подобного, — ответила Дочь Мюмлы. — Но все-таки попытайся вести

себя хорошо, если, конечно, успеешь, а то мы все, наверное, скоро очутимся на небесах.

— На небесах? — переспросила Мю. —
А зачем нам на небеса? И как мы оттуда
спустимся?

Что-то тяжелое ударило в дом, и огонек
свечки заколебался.

— Мамочка! — прошептал Муми-тролль.

— Что, мой любимый?

— Я забыл берестяной кораблик возле
болотца.

— Ничего с ним не случится, — ответила
мама. Вдруг она перестала раскачиваться в
кресле и воскликнула: — Как же это я так
оплошала!

— Что такое? — вздрогнув, спросила
фрёкен Снорк.

— Шлюпка, — сказала мама. — Я со-
всем про шлюпку забыла. Мне все время
казалось: я забыла что-то важное.

— Сейчас шлюпочка находится на уров-
не печной вьюшки, — объявил Муми-папа.

Он постоянно бегал вниз в гостиную и
измерял уровень воды. Они смотрели на
лестницу, ведущую в гостиную, и дума-
ли о тех вещах, которые может испортить
вода.

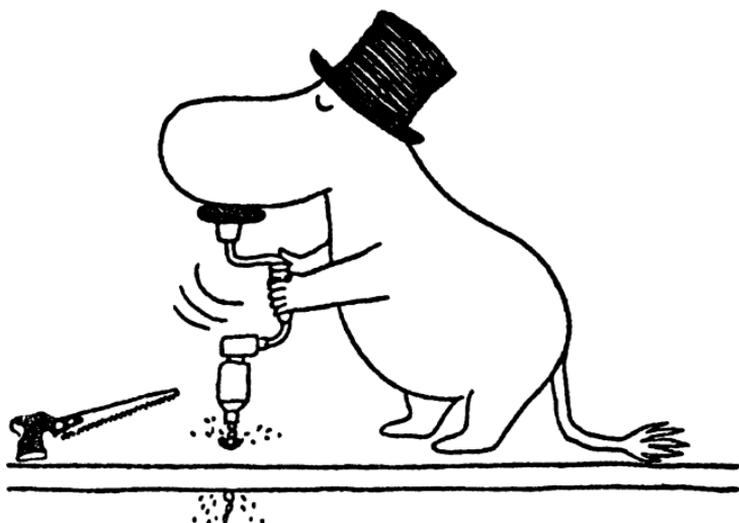
— Кто-нибудь убрал гамак? — вдруг
спросил папа.

Но никто не подумал о гамаке.

— Ну и отлично, — сказал папа. — Га-
мак был такой некрасивый.

Волны, плескавшиеся за стенами дома, убаюкивали их. Один за другим они сворачивались клубочками на полу и засыпали. Но прежде чем погасить свечу, папа поставил будильник на семь часов утра, потому что ему было очень любопытно узнать, что же произошло там, за стенами дома.

ВТОРАЯ ГЛАВА

О том, как ныряют,
чтобы раздобыть завтрак

Но вот начало рассветать. На горизонте появилась узкая полоска, которая долго тлела, словно не решалась подняться выше.

Установилась тихая прекрасная погода.

В суматошной круговерти волны окатывали все новые и новые берега, те, которые раньше никогда не омывались морем. Огнедышащая гора, виновница всего происшедшего, угомонилась. Она тяжело и устало вздыхала, время от времени выдувая в небо остатки золы.

В семь часов утра зазвенел будильник.

Семья муми-троллей тотчас проснулась и бросилась к окну. Малышку Мю поста-

вили на подоконник, а Дочь Мюмлы держала ее за платье, чтобы она не вывалилась в окно.

Весь мир изменился. Не стало жасмина и сирени, не стало моста и целой реки. Лишь часть дровяного сарая возвышалась над водой. Какая-то продрогшая компания, видимо лесных жителей, судорожно цеплялась за конек крыши.

Деревья росли прямо из воды, цепи гор, окружавшие Муми-дален, распались на множество каменных островков.

— Мне больше нравилось, как было раньше, — сказала Муми-мама. Она жмурилась от солнца, которое все-таки выкатилось, несмотря на все эти бедствия, красное и огромное, как луна в конце лета.

— Да и утреннего кофе тоже нет, — сказал Муми-папа.

Мама посмотрела в сторону крыльца, ведущего в гостиную. Крыльца не было, оно скрылось в беспокойной воде. Она подумала о своей кухне. Ей вспомнился навесной шкафчик, где хранилась банка с кофе. Однако она засомневалась, удастся ли ей попасть в свою кухню. Мысли мамы все время возвращались к этому шкафчику.

— Давай я нырну за банкой с кофе? — предложил Муми-тролль, думавший всегда точь-в-точь как мама.

— Но ты же не сможешь надолго задержать дыхание, детка, — озабоченно сказала мама.

Муми-папа посмотрел на них.

— Я часто думал, — сказал он, — что неплохо бы когда-нибудь взглянуть на свои комнаты с потолка, вместо того чтобы смотреть на них с пола.

— Ты так думал? — восхищенно спросил Муми-тролль.

Папа кивнул. Он скрылся в своей комнате и вскоре вернулся со сверлом и пилой. Все обступили его и с интересом наблюдали, как он работает.

Правда, Муми-папа думал, что страшно-вато пилить свой собственный пол, даже если ты при этом испытываешь чувство глубокого удовлетворения.

Вскоре Муми-маме удалось впервые взглянуть на свою кухню сверху. Словно зачарованная, уставилась она в глубину слабо освещенного изумрудного аквариума. На самом дне она с трудом разглядела плиту, мойку и мусорное ведро. А все стулья и стол плавали по кругу под самым потолком.

— Ужас как весело, — сказала мама и расхохоталась.

Она просто падала от хохота, так что ее усадили в кресло-качалку. Вот до чего смешно смотреть на свою кухню сверху.

— Хорошо еще, что я выбросила мусор из ведра, — сказала она, вытерев глаза. — И забыла принести дров!

— Мама, можно я нырну? — сказал Муми-тролль.

— Не разрешайте ему, милая, добрая Муми-мама, — в страхе умоляла фрёкен Снорк.

— Нет, почему же, — ответила мама. — Если ему интересно, пусть ныряет.

Муми-тролль какое-то мгновение стоял молча, стараясь дышать как можно ровнее, а потом нырнул в кухню.

Он подплыл к буфету и открыл дверцу. Вода в нем была белой от молока, в котором кое-где плавали островки брусничного варенья. Несколько караваев белого хлеба проплыли мимо в сопровождении целой флотилии макарон. Муми-тролль поймал масленку, схватил, проплывая мимо, каравай белого хлеба и обогнул шкафчик, где хранилась банка кофе. Затем он вынырнул и перестал дышать.

— Нет, вы только посмотрите! Оказывается, я все-таки закрыла крышку банки! — весело вскричала мама. — Какая удачная вылазка! А ты не можешь еще прихватить кофейник и чашки?

Никогда еще у них не было такого увлекательного завтрака.

Они выбрали стул, который никогда никому не нравился, и пустили его на дрова, чтобы сварить кофе. Сахар, к сожалению, растворился, зато Муми-тролль отыскал бан-

ку джема. Папа ел джем прямо из банки, а малышка Мю с помощью штопора прорыла туннель в каравае хлеба, и никто даже не обратил на это внимания.

Время от времени Муми-тролль нырял в кухню, чтобы спасти еще что-нибудь, и тогда брызги разлетались по всему закопченному помещению.

— Сегодня мне не придется мыть посуду, — радовалась мама. — Кто знает, может, мне вообще не придется этим заниматься? Но, голубчики мои, не выгащить ли нам мебель из гостиной, пока она не развалилась?

Солнце на дворе грело все сильнее, и волны на море успокоились.

Компания, сидевшая на крыше сарая, постепенно пришла в себя и принялась возмущаться не порядками в природе.

— Ничего подобного здесь не случилось во времена моей мамы, — сказала фру Мышка и одним махом расчесала свой хвостик. — Этого бы никогда не допустили! Но времена теперь, естественно, другие, и молодежь совсем распустилась.

Маленький серьезный зверек шустро придвинулся к остальным и сказал:

— Я не думаю, чтобы молодежь нагнала эту огромную волну. Мы, разумеется,

слишком малы для этой долины и не можем поднять волны, разве лишь в ведре, кастрюле, ковше или даже в стакане воды.

— Да вы что, смеетесь надо мной? — обиделась фру Мышка и вопросительно вскинула брови.

— Ну что вы, — сказал серьезный маленький зверек. — Но я думал об этом всю ночь. Откуда мог появиться этот огромный вал, ведь ветра не было! Понимаете, мне интересно, и я думаю, что если бы...

— Позвольте узнать, как вас зовут? — прервала его фру Мышка.

— Хомса, — ничуть не сердясь, ответил маленький зверек. — Только бы нам понять, как все это случилось, тогда и вал показался бы нам вполне естественным.

— Естественным! — пропищала маленькая толстая Миса. — Хомса ничего не понимает! Все у меня пошло вкось и вкривь, буквально все! Позавчера кто-то положил шишку в мой ботинок, чтобы посмеяться над моими большими ногами. Вчера какой-то хемуль расхаживал под моими окнами и многозначительно хохотал. А сегодня еще и эта история!

— Значит, вал обрушился, чтобы досадить вам, Миса? — уважительно спросил другой озадаченный зверек.

— Я этого не говорила, — чуть не плача ответила Миса. — Кто станет думать обо мне, да еще что-то сделает ради меня? А уж насылать огромный вал...

— Может, эта шишка просто упала с сосны? — участливо спросил Хомса. — Если это была, конечно, сосновая шишка или в крайнем случае еловая. Правда, еловая шишка вряд ли уместится в твоём башмаке.

— Я и так знаю, что у меня громадные ноги, — горько прошептала Миса.

— Я только стараюсь объяснить... — сказал Хомса.

— Здесь задето самолюбие, — сказала Миса. — По-другому *не объяснишь*.

— Да нет же, нет, — уныло ответил Хомса.

Фру Мышка, облизав хвостик, обратила внимание на дом муми-троллей.

— Они пытаются спасти свою мебель, — сказала она, вытянув шею. — Спинка дивана, как я вижу, отломилась. И они уже позавтракали! Представляете, они только о себе и думают. Фрёкен Снорк расчесывает волосы (а мы тут тонем...). Представляете, им приходится тащить диван на крышу, чтобы высушить его. А теперь они поднимают флаг! Клянусь хвостом, некоторые думают, что они — пуп земли.

Муми-мама свесилась через перила балкона и крикнула:

— С добрым утром!

— С добрым утром! — радостно отозвался Хомса. — Можно прийти к вам в гости? Или еще слишком рано? Может, лучше зайти после обеда?

— Приходите сейчас, — сказала Муми-мама. — Я люблю, когда гости приходят утром.

Хомса выждал, пока не подплыло большое дерево с торчащими из воды корнями. Он зацепил его хвостом и спросил своих собеседников:

— Пойдете со мной в гости?

— Нет, спасибо, — ответила фру Мышка. — Что нам там делать? У них и без нас хлопот хватает.

— А меня и не приглашали, — угрюмо добавила Миса, наблюдая, как отчаливает Хомса и как дерево заскользило по воде. Внезапно Миса почувствовала себя страшно одинокой и, прыгнув, в отчаянии ухватилась за ветки дерева. Хомса, не сказав ни слова, помог ей взобраться на ствол.

Они медленно подплыли к крыше веранды и влезли в дом через окно.

— Добро пожаловать! — приветствовал их Муми-папа. — Разрешите представить: моя супруга, мой сын, фрёкен Снорк, Мюмла и малышка Мю.

— Миса, — сказала Миса.

— Хомса, — сказал Хомса.

— Какие вы смешные! — воскликнула Мю.

— Так принято говорить, когда знакомятся, — объяснила сестре Дочь Мюмлы. — А теперь помолчи, потому что к нам пришли настоящие гости.

— Сегодня у нас небольшой беспорядок, — извинилась мама. — И гостиная, к сожалению, залита водой.

— Какие могут быть разговоры, — сказала Миса. — Отсюда такой прекрасный вид. И погода стоит такая тихая и чудесная.

— Неужели? — удивился Хомса.

Миса вспыхнула.

— У меня и в мыслях не было притворяться. Но я полагала, что следует говорить приятное.

Наступило молчание.

— Здесь у нас немного тесно, — скромно заметила мама. — Хотя все эти перемены

приятные, я увидела всю нашу мебель совсем в новом свете... Особенно когда она плавала вверх тормашками. И вода так потеплела. Наша семья просто обожает плавать.

— Надо же, — вежливо сказала Миса.

Снова наступило молчание.

Вдруг послышалось слабое журчание.

— Мю! — строго прикрикнула на сестру Дочь Мюмлы.

— Это не я, — сказала малышка Мю. — Это море вливается в окошко! Вот опять.

Она была права. Вода снова начала подниматься, маленькая волна плеснула через подоконник. Одна, другая, третья. И вот целый водопад обрушился на ковер.

Дочь Мюмлы поспешно сунула крохотную сестренку в карман и сказала:

— Как здорово, что эта семья любит плавать!

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

О том, как знакомятся с домом,
где водятся привидения

Муми-мама сидела на крыше в обнимку с сумкой, шкатулкой, кофейником и семейным альбомом. Время от времени она отодвигалась от подступающего к ней моря — ей не нравилось, что хвост ее плавал в воде. Особенно теперь, когда у них в доме были гости.

— Мы не сможем спасти всю мебель из гостиной, — сказал Муми-папа.

— Дорогой мой! — воскликнула мама. — Зачем нам стол без стульев, а стулья без стола? И какая радость от кровати, когда нет бельевого шкафа?

— Ты права, — согласился папа.

— Хорошо, когда есть трельяж, — мечтательно добавила мама, — так приятно смотреться в зеркало по утрам. Впрочем, — добавила она немного погодя, — и на диване уютно полежать и помечтать после обеда.

— Нет, только не диван, — решительно сказал папа.

— Как хочешь, дорогой, — ответила она.

Вывороченные с корнем кусты и деревья проплывали мимо них. Телеги, корыта, детские коляски, садки для рыб, причалы, изгороди — одни пустые, другие с потерпевшими кораблекрушение — плыли по воде. Но всего этого было маловато для меблировки гостиной.

Вдруг папа сдвинул шляпу на затылок и уставился на горловину бухты, в которую превратилась Муми-дален. Со стороны моря приближался какой-то странный предмет. Солнце слепило папу, и он не мог разглядеть, таит ли этот предмет в себе какую-нибудь опасность. Во всяком случае предмет этот был вполне достаточен для целых десяти мебельных гарнитуров и еще более многочисленной семьи, чем семья муми-троллей.

Вначале казалось, что это огромных размеров банка, затем предмет стал напоминать гигантскую раковину, лежащую на боку.

Муми-папа обернулся к своей семье и сказал:

— Уверен, мы выберемся отсюда.

— Конечно, выберемся, — ответила мама. — Я сижу здесь и жду, когда появится наш новый дом. Лишь у негодяев все плохо кончается.

— Не скажите! — воскликнул Хомса. — Я знаю негодяев, которым никогда ничего не грозит.

— Какая же должна быть скучная жизнь у этих бедняг! — удивилась мама.

Наконец необычный предмет подплыл ближе. Он был похож на дом. На самом верху крыши, напоминавшей большую раковину, были прикреплены две золотые маски: одна плакала, другая смеялась. Под гримасничавшими масками виднелась во мраке полукруглая комната, затянутая паутиной. Наверное, одну стенку смыло волной. По обе стороны зияющего проема свешивались красные бархатные портьеры, печально волочившиеся по воде.

Муми-папа с любопытством вглядывался во мрак, пытаясь что-нибудь разглядеть.

— Есть тут кто-нибудь? — неуверенно спросил он.

Никто не ответил. Они слышали, как от качки хлопали открытые двери и комки пыли перекатывались взад и вперед по голому полу.

— Надеюсь, жильцам удалось спастись, — озабоченно сказала мама. — Бедное

семейство. Интересно, каким оно было? Ужасно вселяться в чужой дом таким образом.

— Голубушка, — сказал папа, — вода поднимается.

— Да, да, — ответила мама. — Тогда, пожалуй, мы переедем.

Она перебралась в свой новый дом и осмотрелась. Да, прежние жильцы были не очень-то аккуратными — это она поняла сразу. А кто не без греха? Прежние жильцы собрали целую коллекцию разных старых вещей. Какая жалость, что одна стена рухнула. Правда, летом это не имеет значения...

— Куда мы поставим стол? — спросил Муми-тролль.

— Сюда, посредине, — сказала мама.

Она почувствовала себя гораздо спокойнее, когда оказалась в окружении мебели из собственной гостиной, мебели, обтянутой темно-красным плюшем с бахромой. Странная комната сразу приняла жилой вид. Муми-мама радостно уселась в кресло-качалку и принялась мечтать о занавесках и обоях небесно-голубого цвета.

— Теперь от нашего дома остался лишь флагшток, — мрачно сказал папа.

Мама похлопала его по лапе.

— У нас был замечательный дом, — сказала она. — Гораздо лучше этого нового.

Но ты увидишь, скоро все будет как прежде. (Дорогой читатель, Муми-мама глубоко ошибалась. Уже ничего не могло быть как прежде, ибо дом, куда они попали, был необычайный дом, а семья, жившая в нем до сих пор, была крайне необычной. Пока больше я ничего не скажу.)

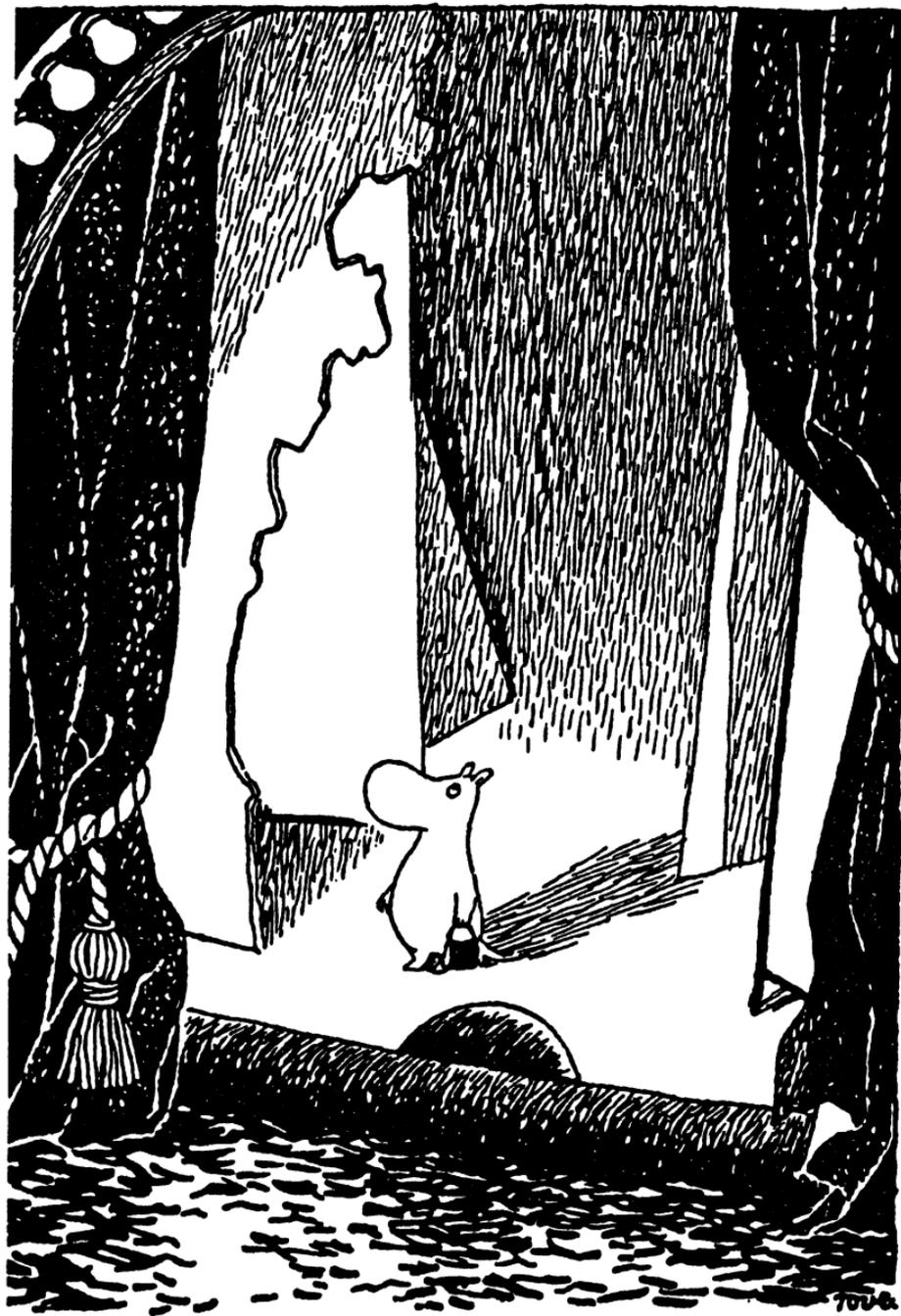
— А флаг возьмем с собой? — предложил Хомса.

— Нет, пусть он остается на месте, — ответил папа. — Он так гордо реет.

Медленно плыли они через долину. И даже в проливе между Одинокими горами они видели, как над водой радостной точкой развевается и шлет им привет флаг.

Муми-мама накрыла в своем новом доме стол для вечернего чая.

Стол с чайным сервизом казался несколько сиротливым в большом незнакомом зале. Вокруг стола выстроились стулья, словно стражи стояли трельяж и платяной шкаф. За ними в мрачном запустении, где царили пыль и безмолвие, терялась комната. Но самым удивительным казался потолок, на котором должен был бы висеть такой парадный гостиный абажур с красными кисточками. А потолок этот скрывали таинственные тени, и там наверху что-то двигалось и болталось, что-то большое и неизвестное, которое раскачивалось взад и вперед, вторя движению дома по воде.

— Здесь так много непонятного, — прошептала про себя мама. — Но с другой стороны, почему обязательно все должно быть так, как ты привык?

Она пересчитала чашки на столе и увидела, что забыла джем.

— Как жаль, — сказала Муми-мама. — Муми-троль любит чай с джемом. Как же я могла его забыть?

— Может, те, которые жили здесь до нас, тоже забыли взять с собой джем? — с надеждой произнес Хомса. — Может, его было трудно упаковать? А может, его так мало оставалось в банке, что не стоило забирать?

— Вот бы найти их джем, — неуверенно сказала мама.

— Я попытаюсь, — предложил Хомса. — Ведь где-то должна быть у них кладовка.

Он отправился в темноту.

В зале оказалась одна-единственная дверь. Хомса вошел в нее и в изумлении обнаружил, что она — бумажная и что на другой стороне двери изображен камин.

Потом Хомса стал взбираться вверх по лестнице, ведущей прямо в воздушное пространство.

«Видно, кто-то подшучивает надо мной, — подумал Хомса, — хотя, по-моему, тут ничего

остроумного нет. Дверь должна куда-то вести, а лестница подниматься наверх. Что будет на свете, если Миса вдруг станет вести себя, как Дочь Мюмлы, а Хомса — как Хемуль?»

Повсюду в доме валялся разный хлам. Странные поделки из бумаги, ткани и дерева, то есть, вероятно, вещи, надоевшие их прежним хозяевам, которые они так и не удосужились вынести на чердак или придать им законченный вид.

— Ты чего тут шарить? — раздался вдруг чей-то голос, и из шкафа, у которого не было ни полок, ни задней стенки, выпрыгнула Дочь Мюмлы.

— Ищу джем, — ответил Хомса.

— Чего тут только нет! — сказала Дочь Мюмлы. — Может, и джем есть. Вот уж чудная жила здесь семейка!

— А мы кого-то видели! — важно добавила малышка Мю. — Кого-то, кто прячется от нас.

— Где? — спросил Хомса.

Дочь Мюмлы показала в темный угол, заваленный хламом до самого потолка. Там, прижавшись к стене, стояла пальма и печально шуршала бумажными листьями.

— Негодяй! — прошептала малышка Мю. — Он притаился и ждет, а потом возьмет и убьет нас!

— Успокойся! — твердым голосом сказал Хомса.

Он подошел к раскрытой настежь двери и осторожно потянул носом воздух.

Затем он заглянул в узкий коридор, который таинственно извивался и исчезал в темноте.

— Тут уж наверняка где-то должна быть кладовка! — воскликнул Хомса.

Они вошли в коридор и увидели множество маленьких дверей.

Дочь Мюмлы вытянула шею и с трудом стала читать по слогам надпись на двери.

— Рек-ви-зит, — читала она. — Рек-ви-зит. Подходящее имечко для негодяя!

Хомса собрался с духом и постучал. Они ждали, но Реквизита, как видно, не было дома.

Тогда Дочь Мюмлы толкнула дверь, и она открылась.

Никогда им еще не доводилось видеть такую уйму вещей сразу. Там, от пола до потолка, громоздились полки, и на них стояло в пестром беспорядке все, что только вообще может стоять на полке. Огромные вазы с фруктами теснились рядом с игрушками, настольными лампами и фарфоровыми безделушками, железные кольчуги валялись среди цветов и инструментов, а чучела птиц теснились среди книг, телефонов и вееров. Там

были еще ведра, глобусы, ружья, коробки из-под шляп, часы, почтовые весы и тому подобное.

Малышка Мю с плеча сестры вспрыгнула на полку. Уставившись в зеркало, она закричала:

— Глядите! Глядите! Я стала еще меньше. Я совсем исчезла!

— Но это же не настоящее зеркало, — объяснила ей Дочь Мюмлы. — И никуда ты не исчезла.

Хомса искал джем.

— Может, это повидло? Оно не хуже джема, — сказал он и поковырял пальцем в банке.

— Это крашенный гипс, — пояснила Дочь Мюмлы.

Она взяла яблоко и лизнула его.

— Деревянное, — сказала она.

Малышка Мю рассмеялась.

А Хомса огорчился. Все вокруг было настоящее, обманное. Привлеченный яркими красками, он протягивал лапку, но ощущал лишь бумагу, дерево или гипс.

Золотые короны были просто невесомы, цветы — бумажными, у скрипок не было струн, у ящиков — дна, а книги нельзя было даже раскрыть.

Обманутый в своих ожиданиях, честный Хомса задумался — что бы это могло значить, но не находил ответа. «Был бы я хоть капельку-капельку поумнее, — думал он. — Или старше на несколько недель».

— А мне все это нравится, — сказала Дочь Мюмлы. — Как будто и ничего съедобного, а на самом деле что-то здесь кроется.

— Разве? — спросила малышка Мю.

— Ты уж помолчи, — весело засмеялась ее сестра, — не задавай дурацких вопросов.

В этот миг кто-то фыркнул. Громко и презрительно.

Все испуганно посмотрели друг на друга.

— Ну, я пошел, — пробормотал Хомса. — От всех этих вещей мне не по себе.

Тут из зала донесся страшный грохот, и легкое облачко пыли поднялось с полок. Хомса схватился за меч и бросился в коридор. До них донесся крик Мисы.

В зале стояла крошечная тьма. Что-то большое и мягкое хлестнуло Хомсу по лицу. Он заморгал и вонзил свой деревянный меч прямо в невидимого врага. Раздался шелест, словно враг был матерчатый, и когда Хомса решился открыть глаза, то увидел, что меч пробил дыру, сквозь которую лился дневной свет.

— Что ты сделал? — поразилась Дочь Мюмлы.

— Убил Реквизита, — ответил с дрожью в голосе Хомса.

Дочь Мюмлы весело засмеялась и через дыру полезла в зал.

— Что вы тут натворили? — поинтересовалась она.

— Мама потянула за шнурок! — закричал Муми-тролль.

— И с потолка сразу обрушилось что-то огромное и страшное-престрашное, — добавила Миса.

— И вдруг в самом центре зала возник какой-то ландшафт, — пояснила Фрёкен Снорк. — Сначала мы думали, что он настоящий. Но только до тех пор, пока ты не пробил мечом зеленую лужайку.

Дочь Мюмлы обернулась. Она увидела ярко-зеленые березки, отражавшиеся в ярко-синем озере.

Из травы выглядывала успокоенная мордочка Хомсы.

— Ну и ну, — говорила Муми-мама. — Я-то думала, что это шнур от занавески, а эта махина вдруг как рухнет! Подумать только, ведь она могла кого-нибудь прихлопнуть. Ты нашел джем?

— Нет, — ответил Хомса.

— Давайте все же попьем чаю, — предложила мама. — А тем временем будем любоваться этой картиной. Она удивительно красивая. Только бы вела себя поспокойнее.

И Муми-мама принялась разливать чай по чашкам.

Тут кто-то рассмеялся.

Они услышали презрительный старческий смех, который доносился из темного угла, где стояла бумажная пальма.

— Почему вы смеетесь? — спросил Муми-папа после долгого молчания.

Молчание стало еще более тягостным.

— Не хотите ли выпить с нами чаю? — робко предложила Муми-мама.

В углу по-прежнему было тихо.

— Вероятно, это кто-то из прежних жильцов, — сказала мама. — Неужели так трудно выйти и представиться?

Они ждали долго, но так ничего и не случилось.

— Дети, чай стынет! — наконец сказала мама и принялась готовить бутерброды. Она нарезала сыр, когда с потолка внезапно пошел дождь.

Налетевший ветер печально завыл в углах.

Они выглянули и увидели, что солнце мирно опускается на блестящую гладь летнего моря.

— Это заколдованное место! — взволнованно воскликнул Хомса.

Вдруг поднялась буря. Было слышно, как волны бьются об отдаленный берег, льет дождь, хотя снаружи по-прежнему стояла

прекрасная погода. Потом налетела гроза. Слышались отдаленные раскаты грома, они все приближались, яркие молнии вспыхивали в зале, и вот уже над головами семейства муми-троллей грохотал гром.

А солнце садилось в полной тишине и молчании.

И тут начал вращаться пол. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, так что чай выплескивался из чашек. Стол, стулья и вся семья муми-троллей ехала по кругу, как на карусели, а рядом, тоже по кругу, мчались трельяж и платяной шкаф.

Все закончилось так же внезапно, как и началось.

Гром, молнии, дождь и ветер тоже прекратились.

— Ну и чудеса бывают на свете! — воскликнула мама.

— Ну, это все ненастоящее! — возразил Хомса. — На небе не было ни облачка. А молния три раза ударила в платяной шкаф, так и не расколов его! А потом дождь, ветер и пол, который вращался...

— А кто-то еще надо мной смеялся! — поддакнула Миса.

— Но теперь все это кончилось, — сказал Муми-троль.

— Мы должны быть очень осторожны, — посоветовал папа. — Это опасный дом с при-

видениями. Здесь может произойти все что угодно.

— Спасибо за чай, — поблагодарил Хомса.

Он ушел в конец зала и стал вглядываться в сумерки.

«Они ничуть не похожи на меня, — думал он. — Они испытывают какие-то чувства, различают цвета, слышат звуки и кружатся.

Но что они чувствуют, видят и слышат и почему они кружатся, это их ни капельки не волнует».

И вот в воде погас последний отблеск солнечного шара.

В тот же миг зал расцвечился огнями.

Пораженное семейство подняло взоры от чашек к потолку. Над ними вспыхивала дуга лампочек то синим, то красным светом. Они отражались в ночном море, как венец звезд. Было очень красиво и уютно. Внизу, у самого пола, зажглась полоска огней.

«Это чтобы никто не свалился в море, — подумала Муми-мама. — Как прекрасно все устроено в жизни. Однако после всех этих волнений и приключений я немного устала. Пойду-ка я спать».

Но прежде чем мама натянула на мордочку одеяло, она все же сказала:

— Разбудите меня, если еще что-нибудь случится.

Чуть позднее, вечером, маленькая Миса одна ходила возле самой воды. Она видела, как взошла луна, и отправилась одиноко на ночную прогулку.

«Луна, как я, — грустно подумала Миса, — такая же одинокая и такая же круглая».

Она почувствовала себя такой покинутой и несчастной, что слезы навернулись на ее глаза.

— Почему ты плачешь? — спросил Хомса.

— Не знаю... здесь так хорошо, — ответила Миса.

— Ведь плачут от печали, — возразил Хомса.

— Луна и есть печаль, — едва вымолвила Миса и всхлипнула. — Луна и ночь. Печаль... и больше того — грусть.

— Как же, как же, — поддакнул Хомса.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

О тщеславии и о том,
как опасно ночевать на дереве

Прошло несколько дней.

Семья начала привыкать к своему новому удивительному дому. Каждый вечер, как только заходило солнце, зажигались красивые лампочки. Муми-папа обнаружил, что красные бархатные портьеры можно задергивать в случае дождя и что под полом имеется небольшой чуланчик с покатой крышей. Он находился возле самой воды, так что их еда хранилась в холодке. Но самое большое открытие заключалось в том, что под потолком висело множество картин, еще более красивых, чем та, первая, с березками. Их можно было поднимать и опускать сколько душе угодно. Больше всего семье муми-троллей нравилась картина, изо-

бражавшая веранду из светлых бревен, потому что она напоминала им Муми-дален. Собственно говоря, они были бы совсем счастливы, если бы не пугались всякий раз, когда странный смех обрывал их беседу. Иногда это было лишь фырканье. Кто-то шипел на них, но никогда не показывался на глаза. Муми-мама обычно ставила миску с едой в темный угол, где стояла бумажная пальма, и кто-то съедал все до последней крошки.

— Во всяком случае это кто-то очень стеснительный, — объясняла мама.

— Это кто-то чего-то выжидающий, — возразила Дочь Мюмлы.

Однажды утром Миса, Дочь Мюмлы и Фрёкен Снорк расчесывали волосы.

— Мисе надо изменить прическу, — сказала Дочь Мюмлы. — Ей не идет прямой пробор.

— И челка ей ни к чему, — добавила Фрёкен Снорк и стала начесывать шелковистые волосы. Она слегка оправила кончик хвоста и повернула голову, чтобы посмотреть, не сваялся ли пушок на спине.

— Наверное, приятно иметь такую гладкую шерстку? — спросила ее Дочь Мюмлы.

— Очень, — ответила довольная Фрёкен Снорк. — Миса, а у тебя шерстка такая же гладкая?

Миса не ответила.

— У Мисы, наверное, такая же гладкая шерстка, — сказала Дочь Мюмлы, закручивая волосы в узел.

— А может, ей пойдут мелкие кудряшки? — предложила фрёкен Снорк.

Вдруг Миса топнула ногой.

— Старые трещотки! Надоели со своими челками и кудряшками! — закричала она со слезами на глазах. — Воображаете, будто все на свете знает! А еще эта фрёкен Снорк, у которой платья и то нет! Я бы никогда, никогда в жизни не стала ходить без платья. Я бы лучше умерла, чем стала ходить без платья! — И, разрыдавшись, бросилась бегом через гостиную в коридор.

Всхлипывая, она ощупью пробиралась в темноте, пока не застыла на месте от страха: она вспомнила о том, кто так странно смеялся в доме. Маленькая Миса перестала плакать и испуганно попятилась. Она шарила и шарила в поисках двери в зал. Но чем дольше она искала, тем ей становилось страшнее. Наконец она отыскала дверь и распахнула ее.

Но вбежала Миса вовсе не в зал, а в другую, незнакомую комнату. То было слабо освещенное помещение со множеством выставленных в ряд отрубленных голов на ужасно длинных худых шеях. Все эти голо-

вы, поросшие необыкновенно густыми волосами, были повернуты к стене.

«Подумать только, если бы они глазели на меня...» — ужаснулась Миса.

Она была так напугана, что боялась шевельнуться и лишь завороженно смотрела на золотистые кудри, черные локоны и рыжие завитушки...

Между тем фрёкен Снорк мучилась раскаянием в гостиной.

— Да не думай ты о ней, — посоветовала ей Дочь Мюмлы. — Миса слишком обидчива.

— Но она ведь права, — пробормотала фрёкен Снорк, взглянув на свой живот. — Мне *нужно* носить платье.

— Этого еще не хватало, — сказала Дочь Мюмлы. — Вот насмешила!

— А сама-то ты в платье! — возразила Фрёкен Снорк.

— Так это же я, — весело сказала Дочь Мюмлы. — Послушай-ка, Хомса, как, по-твоему, нужно Фрёкен Снорк платье?

— Конечно, если ей холодно, — ответил Хомса.

— Нет, нет, вообще, — сказала Фрёкен Снорк.

— Или если пойдет дождь, — посоветовал Хомса, — но тогда разумнее обзавестись плащом.

Фрёкен Снорк покачала головой. Постояв минутку в раздумье, она сказала:

— Пойду помирюсь с Мисой.

Она взяла карманный фонарик и вышла в коридор. Там никого не было.

— Миса! — тихонько позвала Фрёкен Снорк. — Знаешь, мне нравится твой прямой пробор...

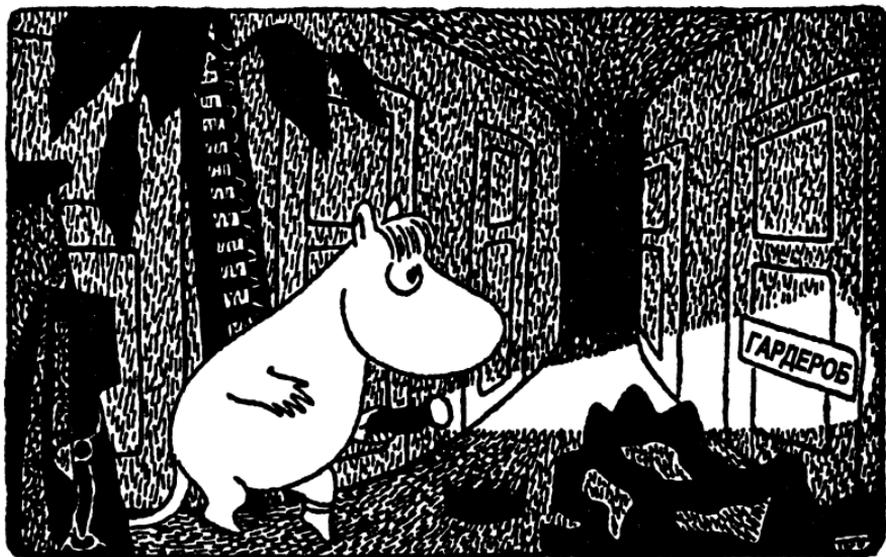
Но Миса не отвечала. Фрёкен Снорк увидела узкую полоску света, пробивавшуюся сквозь полуоткрытую дверь, и на цыпочках вошла туда. Там сидела Миса, и волосы у нее на голове были совсем другие.

Длинные золотистые локоны обрамляли ее озабоченное лицо. Маленькая Миса посмотрела в зеркало и вздохнула, затем взяла другие, не менее прекрасные волосы и натянула их на самые глаза, закрыв челкой лоб. Но

и эти рыжие пышные волосы не украсили ее. Наконец дрожжащими лапками она взялась за локоны, которые приберегла напоследок, так как они нравились ей больше всех остальных. Иссиня-черные, как вороново крыло, они были украшены золотыми блестками, сверкавшими словно слезинки. Затаив дыхание, Миса примерила новый парик. С минуту она внимательно рассматривала себя в зеркале. Затем так же медленно сняла волосы и устала в пол.

Фрёкен Снорк бесшумно выскользнула назад в коридор. Она поняла, что Мисе лучше побыть одной.

Но обратно в зал фрёкен Снорк не пошла. Она пошла дальше по коридору, потому что

почувствовала манящий и сладковатый запах, запах пудры. Кружок света от карманного фонарика бегал вверх-вниз по стенам и остановился наконец на магическом слове «Гардеробная».

— Платья! — прошептала фрёкен Снорк. — Там платья!

Она нажала ручку двери и вошла.

— О! Какое чудо! — пролепетала она. — О, как прекрасно!

Платья, платья, куда ни кинешь взгляд, всюду платья. Они висели бесконечными ря-

дами, сотнями, одно за другим: тяжелая сверкающая парча, легкие облачка тюля и лебяжьего пуха, набивной шелк разных цветов и черный, как ночь, бархат. Повсюду мерцали разноцветные блески, перемигиваясь короткими вспышками, словно огни маяка.

Ошеломленная фрёкен Снорк подошла ближе. Она ласкала платья, заключала их в объятия, зарывалась в них мордочкой, прижимала к груди. Платья шуршали, они пахли пылью и духами, окутывали ее мягкими складками. Внезапно фрёкен Снорк выпустила платья из лапок и немного постояла на голове.

— Это чтобы успокоиться, — прошептала она про себя. — Мне надо успокоиться, иначе я умру от счастья. Платьев так много.

Перед обедом Миса грустила в углу зала.

— Привет! — сказала фрёкен Снорк и уселась рядом.

Миса искоса посмотрела на нее, но ничего не ответила.

— Я ходила по дому и искала себе платье, — рассказывала фрёкен Снорк. — Нашла несколько сотен платьев и ужасно обрадовалась.

Миса издала звук, который мог означать что угодно.

— Может, и тысячу, — продолжала фрёкен Снорк. — Я все смотрела и примеряла, и мне становилось все грустнее и грустнее.

— Неужели! — воскликнула Миса.

— Ну разве все это не удивительно! — сказала фрёкен Снорк. — Понимаешь, их было слишком много. Мне никогда не успеть перемерить их и не решить, какое из них самое красивое. Я чуть не испугалась. Если бы там висело всего два платья, я бы выбрала самое лучшее.

— Это было бы куда легче, — согласилась обрадованная Миса.

— Поэтому я взяла и сбежала из гардеробной, — закончила фрёкен Снорк.

Потом они помолчали, наблюдая, как Муми-мама накрывает на стол к обеду.

— Подумать только, — сказала фрёкен Снорк, — подумать только! Какая тут раньше жила семья! Тысяча платьев! Пол, который вращается, картины под потолком, гардероб, битком набитый вещами. Мебель из бумаги и искусственный дождь. Как, потвоему, выглядели прежние хозяева?

Миса вспомнила чудесные локоны и вздохнула.

А за спиной Мисы и фрёкен Снорк, среди пыльного хлама, за бумажной пальмой поблескивали внимательные и блестя-

щие маленькие глазки. Глазки презрительно разглядывали Мису и фрёкен Снорк, а потом, скользнув по гостининому гарнитуру, остановились на маме, которая раскладывала по тарелкам кашу. Глазки еще больше потемнели, а мордочка насмешливо сморщилась.

— Обед подан! — закричала Муми-мама.

Взяв тарелку с кашей, она поставила ее на пол под пальму. Все бросились к столу и уселись вокруг.

— Мама! — сказал Муми-тролль и потянулся за сахаром. — Мама, ты не находишь...

Тут он осекся, выпустил из лап сахарницу, и она со звоном упала на пол.

— Глядите! — прошептал он. — *Глядите!*

Все обернулись и посмотрели.

Какая-то тень отделилась от стены в темном углу. Что-то серое и сморщенное прошаркало по полу гостиной, заморгало от солнечного света и затрясло седыми усами, враждебно оглядывая семью мумитроллей.

— Я — Эмма, — высокопарно представилась старая театральная крыса. — Я хочу только сказать, что терпеть не могу кашу. Уже третий день вы едите кашу.

— Завтра утром будет молочный суп, — робко пообещала мама.

— Я ненавижу молочный суп, — ответила Эмма.

— Может быть, вы, Эмма, посидите с нами? — предложил папа. — Мы думали, что дом всеми покинут, и поэтому...

— Дом, — прервала его Эмма и фыркнула. — Дом! Это вовсе не дом.

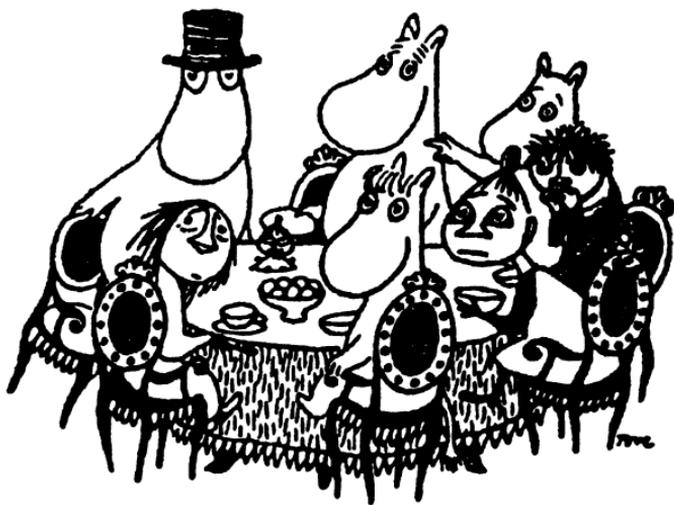
Она подобралась поближе к обеденному столу, но не села.

— Может, она сердится на меня? — прошептала Миса.

— А что ты сделала? — спросила Дочь Мюмлы.

— Ничего, — пробормотала Миса, опустив глаза в тарелку. — Просто так мне кажется. Мне всегда кажется, что кто-то на меня сердится. Будь я самой прекрасной мисой на свете, тогда все было бы иначе...

— Ну, раз ты не самая прекрасная миса на свете, не о чем и говорить, — сказала Дочь Мюмлы, продолжая есть кашу.

— Эмма, а ваша семья спаслась? — сочувственно спросила Муми-мама.

Эмма не ответила, она смотрела на сыр... Потом схватила ломтик сыра и сунула его в карман. Ее взгляд блуждал по столу и остановился на блинчике.

— Это наш блинчик! — закричала малышка Мю. Она прыгнула на стол и уселась на блинчик.

— Это некрасиво, — упрекнула ее Дочь Мюмлы, столкнув сестру с блинчика, почистила его и спрятала под скатерть.

— Дорогой Хомса, — торопливо сказала Муми-мама. — Сбегай и посмотри, не найдется ли в кладовке чего-нибудь вкусенького для Эммы.

Хомса умчался в кладовку.

— Кладовка! — возмутилась Эмма. — Кладовка! Вы называете суфлерскую будку кладовкой! Вы называете сцену гостиной, ку-

лисы — картинами, занавес — занавеской, а реквизит — дядей! — Она раскраснелась, и мордочка ее сморщилась. — Я рада! — кричала она. — Я очень рада, что маэстро Филадельфия — вечная ему память! — вас не видит! Вы ничего не знаете о театре, даже меньше чем ничего, у вас нет ни малейшего представления о театре!

— Там осталась лишь старая-престарая салака, — сказал Хомса. — Если это, конечно, не селедка.

Эмма так и выхватила у него рыбку из лапы и с высоко поднятой головой прошаркала в свой угол. Она долго гремела там и, вытащив наконец большую метлу, принялась усердно мести.

— Что такое театр? — обеспокоенно прошептала Муми-мама.

— Не знаю, — ответил папа. — Похоже, что нам следует этим поинтересоваться.

Вечером острый запах цветущей рябины заполнил зал. Птички порхали под самым потолком, охотясь за пауками, а малышка Мю повстречала на ковре в зале большого страшного муравья. Только теперь все заметили, что театр плыл уже в лесу.

Все пришли в сильное волнение. Забыв свой страх перед Эммой, они сгрудились у самой воды, разговаривая и размахивая лапами.

Они привязали дом к большой рябине. Муми-папа прикрепил канат к своей палке, а палку воткнул прямо в крышу чулана.

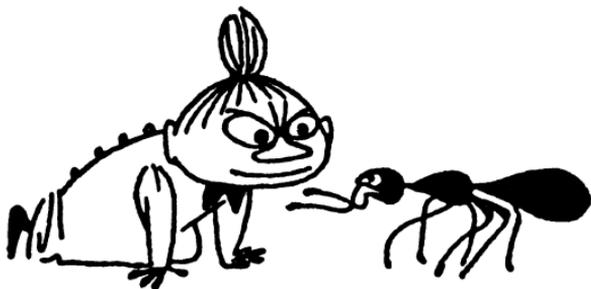
— Не смейте разрушать суфлерскую будку! — закричала Эмма. — Это, по-вашему, театр или пароходная пристань?

— Вероятно, это и в самом деле театр, раз вы, Эмма, так утверждаете, — смиренно сказал папа. — Но никто из нас не знает, что это такое.

Эмма молча уставилась на него. Покачав головой, она пожала плечами, презрительно фыркнула и снова принялась мести пол.

Муми-тролль стоял, разглядывая высокое дерево. Рои пчел и ос кружились вокруг белых цветов, а ствол красиво изогнулся, образовав вместе с веткой колыбельку, вполне пригодную для какого-нибудь маляутки.

— Я буду спать ночью на этом дереве, — внезапно объявил Муми-тролль.

— Я тоже, — тотчас сказала фрёкен Снорк.

— И я! — закричала малышка Мю.

— Мы будем спать дома, — решительно сказала Дочь Мюмлы. — На дереве могут водиться муравьи, и если они тебя покусают, ты распухнешь и станешь толще и круглее любого апельсина.

— Но я хочу стать больше, хочу-стать-больше, хочу-стать-больше! — кричала малышка Мю.

— А теперь будь умницей! — наставляла ее сестра. — Иначе придет Морра и заберет тебя.

Муми-троль по-прежнему стоял, разглядывая зеленую крону дерева. Здесь все напоминало Муми-дален. Муми-троль потихоньку насвистывал, думая о веревочной лестнице.

Тотчас прибежала Эмма.

— Перестань свистеть! — закричала она.

— Почему? — спросил Муми-троль.

— Свистеть в театре — плохая примета, — тихо прошептала Эмма. — Даже этого вы не знаете.

Что-то бормоча и постукивая метлой, она заковыляла в темноту. Они в растерянности смотрели ей вслед, и на какое-то мгновение семейству муми-троллей стало не по себе. А потом они обо всем забыли.

Вечером мама постелила Муми-троллю и фрёкен Снорк на дереве. Потом приготовила для них корзину с завтраком.

Миса тоже взглянула на дерево.

— Хоть бы разок поспать на дереве, — сказала она.

— За чем же дело стало? — спросила Муми-мама.

— Меня никто туда не приглашал, — уныло ответила Миса.

— Возьми перину, милочка, и полезай, — посоветовала мама.

— Нет, теперь мне больше не хочется, — сказала Миса и удалилась. Она уселась в углу и заплакала.

«Почему все так получается? — думала она. — Почему все так печально и сложно в моей жизни?»

А Муми-мама так и не смогла уснуть всю ночь.

Она лежала, прислушиваясь к всплескам воды под полом, и испытывала смутное беспокойство. Она слышала, как Эмма шаркала взад-вперед по сцене, что-то бормоча себе под нос. В лесу был какой-то незнакомый зверь.

— Муми-папа! — прошептала она.

— М-м-м... — просопел из-под перины папа.

— Я что-то волнуюсь.

— Все будет хорошо, вот увидишь, — пробормотал папа и снова заснул.

Мама лежала, вглядываясь в лес. Но постепенно и она заснула, и в зале воцарилась ночь.

Наверное, прошел целый час.

Серая тень скользнула по полу и замерла возле кладовки. Это была Эмма. Собрав все свои старческие силы, удесятеренные гневом,

она вытащила палку из дырки в крыше чулана и бросила ее далеко в воду.

— Я им покажу, как разрушать суфлерскую будку! — бормотала Эмма себе под нос.

Мимоходом она схватила со стола банку с сахаром и, высыпав содержимое в карман, отправилась спать в свой угол.

Освобожденный от швартов дом тотчас поплыл по течению. Переливающаяся гирлянда из синих и красных лампочек еще некоторое время мелькала среди деревьев. Но и она вскоре исчезла, и лишь луна молочным светом заливала лес.

ПЯТАЯ ГЛАВА

О том, что бывает,
когда свистят в театре

Фрёкен Снорк проснулась от холода. Ее челка была совершенно мокрая. Между деревьями клубился туман, и чуть подальше уже ничего нельзя было разглядеть в его серой густой пелене. На влажных, черных как уголь стволах деревьев узорчатым рисунком выделялись облепившие их мхи и лишайники, ставшие за ночь совершенно белыми.

Фрёкен Снорк еще глубже зарылась головой в перину и попыталась досмотреть свой приятный сон. Ей приснилось, что мордочка

у нее совсем маленькая и необыкновенно очаровательная. Но заснуть ей так и не удалось.

Внезапно в ней шевельнулось недоброе предчувствие. Она быстро села и огляделась вокруг.

Деревья, туман, вода. А дома нет. Дом исчез, а их с Муми-троллем бросили на произвол судьбы. На мгновение Фрёкен Снорк утратила дар речи. Затем, наклонившись, начала осторожно трясти Муми-тролля.

— Спаси меня, — шептала она, — милый, добрый, спаси меня!

— Это что, игра в спасение? — сонно спросил Муми-тролль, приподнимаясь.

— Нет, это взаправду, — сказала она, глядя на него почерневшими от страха глазами.

Кругом капало. Кап-кап-кап — печально падали капли, разбиваясь о темную воду. За ночь опали лепестки цветов на деревьях. Было холодно. Прижавшись друг к другу, они долго сидели не двигаясь. Фрёкен Снорк тихо плакала, уткнувшись в перину. Наконец Муми-тролль встал с постели и машинально снял с ветки корзинку с едой.

Она была набита маленькими аккуратными бутербродиками, завернутыми в шелковую бумагу, в каждом свертке по два, с самым разным содержимым. Муми-тролль

сложил бутербродики рядом один к одному, но есть ему не хотелось.

Вдруг он увидел надписи на свертках: их сделала мама. На каждом из них стояло либо «Сыр», либо «Только с маслом», либо «Дорогая колбаса», либо «С добрым утром!». На последнем мама написала: «Это от папы». В свертке оказалась банка крабов, которую папа берет с весны.

Муми-тролль сразу понял, что это приключение не такое уж опасное.

— Ну, хватит слез, давай лучше есть бутерброды, — сказал он. — Будем пробираться дальше через лес. И расчеши челку, ведь ты такая красивая. Мне нравится смотреть на тебя.

Весь день Муми-тролль и фрёкен Снорк перебирались с дерева на дерево. Наступил уже вечер, когда они наконец увидели, как под водой просвечивает мох; он постепенно поднимался к поверхности воды и вот уже покрывал твердую землю.

О, как чудесно было снова твердо стоять на земле, зарываясь лапами в настоящий мягкий мох! Тут рос еловый лес. В вечерней тишине куковали кукушки, а под плотной сенью елей вились полчища комаров. (К счастью, комару не под силу прокусить кожу муми-тролля!)

Муми-тролль плашмя растянулся на поросшей мхом земле. Ему казалось, что голова его все еще кружится оттого, что мимо несется и несется быстрый поток воды.

— Я притворюсь, будто ты похитил меня, — прошептала фрёкен Снорк.

— Да так оно и есть, — дружелюбно ответил Муми-тролль. — Ты отчаянно кричала, а я все равно тебя похитил.

Солнце зашло, но в июне темноты не бывает и в помине. Ночь была прозрачной, сказочной, полной волшебства. Под елями мелькнула искорка и вспыхнул огонек. Это был крохотный костер из хвои и веточек, и можно было разглядеть множество крохотных обитателей леса, пытавшихся столкнуть еловую шишку в костер.

— У них костер в честь дня летнего солнцестояния, — сказала фрёкен Снорк.

— Пожалуй, — грустно согласился Муми-тролль. — Мы и позабыли, что сегодня день летнего солнцестояния.

Муми-тролля и фрёкен Снорк охватила тоска по дому. Они поднялись с мшистого лесного покрова и пошли в лесную чащу.

Обычно ко дню летнего солнцестояния папа припасал дома в Муми-дален пальмовое вино. На берегу моря зажигали костер, и все обитатели леса и долины приходили

взглянуть на него. Дальше по берегу и на островах горели и другие костры, но костер семейства муми-троллей всегда бывал самым большим. Когда он разгорался в полную силу, Муми-тролль входил в теплую морскую воду, купался и плавал на волнах, любясь огнем.

— Костер отражался в воде, — вспомнил Муми-тролль.

— Верно, — отозвалась фрёкен Снорк. — И когда он догорал, мы собирали девять самых разных цветов и клали их под подушку. Ведь, по поверью, все, что приснится, сбудется — только нельзя ни словечка обронить, ни пока собираешь цветы, ни потом.

— А тебе снились вещие сны? — спросил Муми-тролль.

— Еще бы, — ответила фрёкен Снорк. — И всегда что-то приятное.

Еловый лес вокруг поредел и внезапно расступился, обнажив небольшую низину, заполненную густым молочным туманом, будто чашка — молоком.

Муми-тролль и фрёкен Снорк в испуге остановились на лесной опушке. Они разглядели домик. Его труба и столбы калитки были увиты гирляндами листьев.

В тумане послышался звон колокольчика, затем воцарилась тишина, потом снова раздался звон колокольчика. Но из трубы не шел дым, и в окне не мерцал огонек.

Пока все это происходило с Муми-троллем и фрёкен Снорк, на борту плавучего театра наступило печальное утро. Муми-мама не притрагивалась к еде. Сидя в качалке, она беспрестанно повторяла:

— Несчастные детки, несчастный мой сынок! Один-одинешенек на дереве. Он никог-

да, наверно, не найдет дорогу домой! Подумай только, что будет, когда наступит ночь и закричат совы...

— Раньше августа они не кричат, — успокоил маму Хомса.

— Все равно, — плакала мама. — Всегда кто-то страшно кричит...

Муми-папа печально уставился на пробойнику в потолке чулана.

— Это я виноват, — сказал он.

— Не кори себя, — ответила мама. — Наверно, тебе попалась старая и гнилая палка. Кто же мог знать! Нет, Муми-тролль и Фрёкен Снорк наверняка найдут дорогу домой! Конечно, они вернуться домой!

— Если их не съели, — сказала малышка Мю. — Муравьи-то уж, наверное, покусили их так, что они теперь толще апельсинов!

— Ступай играть, а то останешься без сладкого, — сказала Дочь Мюмлы.

Миса оделась в траур. Она уселась в угол и горько плакала.

— Ты чего, в самом деле так их жалеешь? — сочувственно спросил Хомса.

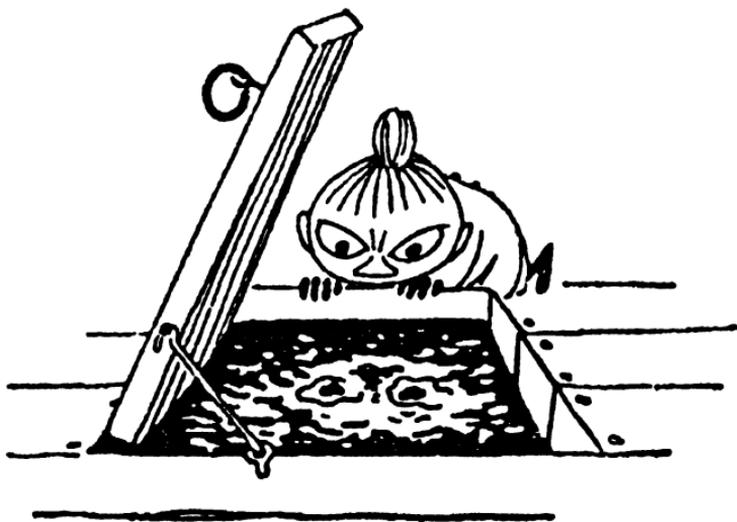
— Нет, самую малость, — ответила Миса. — Но я пользуюсь случаем и плачу обо всем, раз уж есть повод.

— Понятно, — в недоумении сказал Хомса.

Он попытался представить себе, как случилось несчастье. Он осмотрел дыру в крыше чулана и весь пол в зале. Единственное, что он обнаружил, это люк под ковром. Он вел прямо в черную клокочущую воду под домом. Хомса был необычайно заинтригован.

— Может, это мусоропровод? — рассуждал он. — Или вход в бассейн? Если, конечно, сюда не сбрасывали врагов?

Но никто не обратил внимания на его открытие. Только малышка Мю легла на живот и стала смотреть в воду.

— Пожалуй, это люк для врагов, — сказала она. — Прекрасная ловушка для маленьких и больших негодяев!

Весь день она пролежала здесь, надеясь увидеть негодяев, но, к сожалению, так ни одного и не увидела.

Никто потом ни единым словом не упрекнул Хомсу.

Это случилось еще до обеда.

Эмма не показывалась целый день и даже не явилась к обеду.

— Может быть, она заболела? — спросила Муми-мама.

— Ничего подобного! — сказала Дочь Мюмлы. — Просто она стащила так много сахара, что теперь *питается* только им!

— Голубушка, пойдика посмотри, не заболела ли она, — устало попросила Муми-мама.

Дочь Мюмлы заглянула в угол, где спала Эмма, и сказала:

— Муми-мама спрашивает, не болит ли у вас, тетенька, живот? Подумать только, сколько сахару вы стащили!

Эмма ощетинулась.

Но прежде чем она нашлась что ответить, весь дом вздрогнул от сильного толчка и пол встал дыбом.

Хомса увернулся от лавины обеденных тарелок, а все картины разом свалились и погребли под собою зал.

— Мы сели на мель! — закричал Му-ми-папа придушенным голосом из-под бархатного занавеса.

— Мю! — кричала Дочь Мюмлы. — Где ты, сестричка? Отзовись!

Но малышка Мю не могла ответить, даже если бы захотела, потому что она скатилась через люк прямехонько в черную воду.

Вдруг послышался отвратительный клоко-чуший звук. Это смеялась Эмма.

— Ха! — сказала она. — Будете знать, как свистеть в театре!

ШЕСТАЯ ГЛАВА

О том, как отомстили Сторожу парка

Если бы малышка Мю была чуть побольше, она бы непременно утонула. А она легко, словно пузырек, вынырнула из водоворота и, отфыркиваясь и отплеываясь, оказалась на поверхности. Она плыла как пробочка, и поток быстро уносил ее все дальше и дальше.

«Страсть как забавно, — подумала она. — Вот уж удивится моя сестра!»

Оглядевшись вокруг, она заметила пlyingшие рядом поднос для пирожков и шкатулку Муми-мамы. После недолгого раздумья (хотя на подносе еще оставалось несколько

пирожков) она выбрала шкатулку и залезла туда.

Покопавшись в содержимом шкатулки и разрезав несколько клубков ангорской шерсти, она свернулась калачиком в уютной шерстяной ямке и безмятежно заснула.

Шкатулка с нитками плыла и плыла. Ее занесло в заливчик, где дом сел на мель. Покачавшись в прибрежных камышах, шкатулка наконец увязла в иле. Но малышка Мю не проснулась. Она не проснулась даже тогда, когда рыболовный крючок взвился над ней и зацепился за шкатулку. Крючок дернулся разок-другой, леска натянулась, и шкатулка осторожно поплыла.

Дорогой читатель! Приготовься к неожиданности. Случайности и совпадения творят чудеса. Ничего не зная друг о друге и о приключениях друг друга, семейство мумитроллей и Снусмумрик случайно оказались в одном и том же заливе, в самый вечер летнего солнцестояния. Это и в самом деле был Снусмумрик. В своей старой зеленой шляпе он стоял на берегу и таращился на шкатулку.

— Клянусь шляпой, это маленькая мюмла, крошка Мю, — сказал он и вынул трубку изо рта.

Он коснулся малышки Мю крючком и приветливо сказал:

— Не бойся!

— Я даже муравьев не боюсь, — ответила Мю и села в шкатулке.

Они посмотрели друг на друга. В последний раз, когда они виделись, Мю была такой маленькой, что ее едва можно было разглядеть, поэтому нет ничего удивительного, что они не узнали друг друга.

— Агу, детка! — сказал Снусмумрик и почесал за ухом.

— Сам ты «агу»! — ответила Мю.

Снусмумрик вздохнул. Он приехал сюда по важному делу, надеясь хоть немного побыть в одиночестве, прежде чем вернуться в Муми-дален. И вот какая-то растяпа Мюмла посадила своего ребенка в шкатулку с нитками. Ничего себе!

— Где твоя мама? — спросил он.

— Ее съели, — пошутила Мю. — У тебя есть какая-нибудь еда?

Снусмумрик показал трубкой на маленькую кастрюльку с горошком, попыхивающую над костром. Поблизости стояла другая кастрюлька с горячим кофе.

— Но ты небось пьешь только молоко? — спросил он.

Малышка Мю презрительно засмеялась. Не моргнув глазом, она проглотила целых две чайных ложечки кофе и потом съела в придачу по крайней мере четыре горошины. Залив огонь водой, Снусмумрик протянул:

— Ну и ну!

— А теперь мне снова хочется спать, — сказала мышь Мю. — Но мне больше нравится спать в карманах.

— Ладно, — сказал Снусмумрик и сунул ее в карман. — Главное то, что ты знаешь, чего хочешь.

Клубок ангорской шерсти она прихватила с собой.

А Снусмумрик отправился дальше по прибрежным лугам.

Девятый вал, обессилив, присмирел в бухте. Здесь во всей своей красе царило лето. От извержения вулкана остались лишь облака пепла да чудесные темно-багровые закаты, которыми частенько любовался Снусмумрик. Он не имел ни малейшего представления о том, что случилось с его друзьями в Муми-дален, и полагал, что они все так же мирно сидят на своей веранде и празднуют день летнего солнцестояния.

Иногда ему приходила в голову мысль, что, наверное, Муми-троль заждался его... Но прежде чем возвратиться, Снусмумрик должен был свести счеты со Сторожем парка. И дело это можно было уладить лишь в день летнего солнцестояния. Завтра все уже будет в порядке.

Снусмумрик достал губную гармошку и принялся наигрывать старинную песенку

Муми-тролля о том, как все зверюшки привязали бантики к хвостам.

Мальшка Мю тотчас проснулась и выглянула из кармана.

— Я тоже знаю эту песенку! — закричала она.

И Мю запела своим тоненьким и пронзительным, похожим на комариный писк голоском:

*Все зверюшки привязали бантики
к хвостам...
...бантики, бантики, бантики все на
хвосты нацепляют,
хемули в новых коронах и новых венках
щеголят,
скроется месяц, и Хомса запляшет
рассветной порой,
Миса, малютка, не нужно печалиться,
спой!
Утром у Мумрика дома, в далеком саду,
алые блещут тюльпаны на ярком свету.
Ночь исчезает. Лишь Мюмла
в рассветном краю
ищет везде, одинокая, шляпу свою!**

— Где ты слышала эту песню? — удивленно спросил Снусмумрик. — Ты спела почти без ошибок. Ты просто чудо-ребенок!

* Перевод Д. Закса.

— В этом можешь не сомневаться, — ответила малышка Мю. — Кроме того, у меня есть секрет.

— Секрет?

— Да, секрет. Я знаю грозу, которая совсем не гроза, и знаю зал, который вертится, как карусель. Но больше я ничего не скажу!

— У меня тоже есть секрет, — сказал Снусмумрик. — Он спрятан в моем рюкзаке. Скоро ты его увидишь, потому что я сведу старые счеты с этим негодяем!

— Большим или маленьким? — спросила малышка Мю.

— Маленьким, — ответил Снусмумрик.

— Это хорошо, — сказала малышка Мю. — С маленьким негодяем куда легче справиться.

Довольная, она снова залезла в клубок ангорской шерсти, а Снусмумрик осторожно пошел вдоль длинного забора. То тут, то там висели таблички с надписями:

СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ
ВХОДИТЬ
НА ТЕРРИТОРИЮ ПАРКА!

Сторож со Сторожихой жили, само собой разумеется, в парке. Они подрезали и подстригали деревья, придавая им форму шара или куба. Дорожки в парке были прямые как стрелы. Не успевала травка подрасти, как ее тут же подстригали, и ей снова приходилось, напрягая все силы, тянуться вверх.

Лужайки с подстриженной травой были обнесены высоким палисадом, и повсюду можно было прочесть надписи, сделанные большими черными буквами: запрещается то-то и то-то.

В этот ужасный парк каждый день приходили двадцать четыре крошечные забитые малютки, которых либо забыли по той или иной причине, либо они сами потерялись. Это были мохнатые лесные малютки. Они ненавидели и этот парк, и песочницу, в которой их заставляли играть. Они хотели лазить по деревьям, стоять на голове, бегать по траве...

Но этого не понимали ни Сторож, ни Сторожиха, которые сидели рядом и караулили их.

Что оставалось делать малышам? Охотнее всего они закопали бы Сторожа и Сторожиху в песок, но были слишком малы, чтобы справиться с ними.

И вот теперь в этот самый парк пришел Снусмумрик с малышкой Мю в кармане. Он крался вдоль забора, поглядывая на своего заклятого врага Сторожа.

— Как ты собираешься с ним поступить? — спросила малышка Мю. — Повесить, сварить или набить из него чучело?

— Напугать его, — ответил Снусмумрик и еще крепче закусил трубку. — На свете есть лишь одно-единственное существо, которое я по-настоящему ненавижу: Сторож в этом парке. Я хочу сорвать все его таблички с надписями о том, что запрещено!

Снусмумрик принялся рыться в рюкзаке и выгнул оттуда большой мешок, полный маленьких блестящих белых семян.

— Что это? — спросила Мю.

— Семена хатифнаттов, — ответил Снусмумрик.

— Ну и ну! — удивилась Мю. — Разве хатифнатты появляются на свет из семян?

— Конечно, — сказал Снусмумрик. — Но все дело в том, что сеять эти семена нужно вечером в день летнего солнцестояния.

Сквозь рейки ограды он начал осторожно бросать семена хатифнаттов на лужайки (правда, одно семя довольно далеко от другого, чтобы хатифнатты не сцепились

лапками, когда появятся на свет). Опустошив мешочек, Снусмумрик сел на землю и стал ждать.

Солнце клонилось к закату, но оно по-прежнему грело, и хатифнатты начали прорастать.

То тут, то там на аккуратно подстриженных лужайках начали высовываться круглые белые головки, напоминавшие белоснежные шампиньоны.

— Посмотри вон на того, — сказал Снусмумрик, — скоро у него прорежутся глазки!

И верно, через минуту на белом черепе показались два шарообразных глаза.

— Когда они рождаются, они особенно сильно заряжены электричеством, — объяснил Снусмумрик. — Смотри, теперь у них появляются лапки.

Было слышно, как растут хатифнатты. Но Сторож ничего не замечал, он не слышал шороха, так как не спускал глаз с малышей. А кругом на лужайках сотнями пробивались хатифнатты. Еще только ножки оставались у них в земле. В парке запахло серой и жженой резиной. Сторожиха принялась.

— Чем это запахло в парке? — спросила Сторожиха. — Малышня, от кого из вас так пахнет?

И тут же по земле побежали слабые электрические разряды.

Сторож забеспокоился, стал переминаясь с ноги на ногу. Его металлические пуговицы начали потрескивать.

Внезапно Сторожиха вскрикнула и вскочила на скамейку. Дрожащей рукой показала она на лужайки.

Хатифнатты уже выросли до своих нормальных размеров и теперь сплошной стеной надвигались на Сторожа со всех сторон. Их притягивали наэлектризованные пуговицы его мундира. В воздухе парили микромолнии, и пуговицы на мундире Сторожа все чаще и чаще потрескивали. Вдруг у Сторожа засветились уши, заискрились волосы, потом морда! Миг — и весь Сторож засветился. Словно сверкающее солнце он покатился к воротам парка, преследуемый целой армией хатифнаттов.

А Сторожиха уже перелезала через забор. Только малыши, страшно удивленные, по-прежнему сидели в песочнице.

— Здорово! — восхищенно сказала маленькая Мю.

— Точно! — ответил Снусмумрик и сдвинул шляпу на затылок. — А теперь мы сорвем все таблички, и пусть каждая травка растет как ей заблагорассудится!

Всю свою жизнь Снусмумрик мечтал сорвать таблички, запрещавшие все, что ему нравилось, и теперь дрожал от нетерпения. Наконец-то! Он начал с таблички

КУРИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ!

Затем схватил табличку

ЗАПРЕЩАЕТСЯ СИДЕТЬ НА ТРАВЕ!

Потом полетела в сторону табличка

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ СМЕЯТЬСЯ
И СВИСТЕТЬ!**

А вслед за ней отправилась табличка

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРЫГАТЬ!

Лесные малыши таращили на него глаза, все больше и больше удивляясь.

Мало-помалу они поверили, что он пришел спасти их. Они выскочили из песочницы и обступили его.

— Ступайте домой, малыши! — объявил Снусмумрик. — Ступайте куда хотите!

Но они не расходились, а шли за ним по пятам. И даже когда была сорвана последняя табличка и Снусмумрик поднял свой рюкзак, чтобы отправиться в путь, они по-прежнему не отставали от него.

— Хватит, детки! — сказал Снусмумрик. — Ступайте домой, к мамам!

— А вдруг у них нет мам? — предположила малышка Мю.

— Но я ведь не привык возиться с малявками, — испуганно сказал Снусмумрик. — Я даже не знаю, нравятся ли они мне!

— Зато ты нравишься им, — сказала Мю и улыбнулась.

Снусмумрик взглянул на притихшую стайку восхищенных малышей, пристроившихся у его ног.

— Можно подумать, что мне мало тебя одной, — сказал он. — Ну, ладно, ничего не поделаешь. Пошли! Начнется теперь канитель!

Снусмумрик зашагал по лугам в сопровождении двадцати четырех очень серьезных малышей. Его одолевали мрачные мысли о том, что же он станет делать, когда они проголодаются или промочат ножки или у них заболят животики.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

**Об опасностях, которые грозят
в ночь летнего солнцестояния**

День летнего солнцестояния был на исходе. В половине одиннадцатого вечера Снусмумрик кончил строить шалаш из еловых веток для своих двадцати четырех малышей. В то же самое время на другом конце леса Муми-троль и фрёкен Снорк замерли на месте, прислушиваясь.

Колокольчик, звеневший в тумане, умолк. Лес спал, а маленький домик печально смотрел на них своими черными окошками.

В домике сидела Филифьонка и слушала, как тикали часы; время шло. Иногда она подходила к окну и вглядывалась в светлую

ночь, и тогда колокольчик, украшавший кончик ее колпачка, позвякивал. Обычно звон колокольчика подбадривал Филифьонку, но нынешним вечером он только усиливал ее тоску. Она тяжело вздыхала, ходила взад и вперед, садилась и снова вставала.

Она поставила на стол тарелки, три стакана и букет цветов, а на плите стоял кекс, совершенно почерневший от ожидания.

Филифьонка взглянула на часы и на гирлянды листьев над дверью, потом посмотрела на себя в зеркало, оперлась руками о стол и заплакала. Колпачок съехал ей на лоб, так что колокольчик звякнул (всего один печальный звук), и слезы медленно закапали в пустую тарелку.

Не всегда легко быть филифьонкой.

И вот тогда кто-то постучал в дверь.

Филифьонка встрепелась, вытерла слезы и открыла дверь.

— О... — разочарованно протянула она.

— С праздником, с Ивановым днем! — сказала фрёкен Снорк.

— Спасибо, — смущенно ответила Филифьонка. — Спасибо, вы очень любезны. Доброго и вам праздника!

— Мы зашли только спросить об одном доме, вернее, не появлялся ли здесь в последнее время некий театр? — спросил Муми-тролль.

— Театр? — подозрительно переспросила Филифьонка. — Нет, наоборот, ничего похожего...

Наступило молчание.

— Ну, тогда мы пошли, — сказал Муми-тролль.

Фрёкен Снорк взглянула на накрытый стол и на гирлянды над дверью.

— Желаем хорошо отпраздновать сегодняшний день, — доброжелательно сказала она.

Тут лицо Филифьонки сморщилось, и она снова расплакалась.

— Не будет никакого праздника, — всхлипывала она. — Пирог сохнет, цветы увядают, время идет, и никто не приходит. Они и в этом году не придут! У них нет никаких родственных чувств!

— Кто не приходит? — сочувственно спросил Муми-тролль.

— Мой дядюшка и его жена! — воскликнула Филифьонка. — Я каждое лето посылаю им открытки с приглашением на праздник летнего солнцестояния, а они все не приходят и не приходят.

— Тогда пригласи кого-нибудь другого, — предложил Муми-тролль.

— А у меня нет других родственников, — ответила Филифьонка. — И разве это не мой долг — приглашать родных на обед в праздничные дни?

— Значит, сама-то ты не находишь в этом удовольствия? — спросила фрёкен Снорк.

— Конечно, нет, — устало ответила Филифьонка, присаживаясь к столу. — Мой дядюшка и его жена вовсе не симпатичные.

Муми-тролль и фрёкен Снорк присели возле нее.

— Может, им тоже в этом мало радости? — предположила фрёкен Снорк. — А вместо них ты не можешь пригласить нас, ведь мы такие симпатичные?!

— Неужели? — удивилась Филифьонка. Видно было, что она призадумалась.

Вдруг кисточка на ее колпачке приподнялась, и колокольчик весело зазвенел.

— И верно, — медленно сказала она, — совсем не обязательно их приглашать, если никому из нас это не доставляет удовольствия. Не правда ли?

— Конечно не обязательно, — поддержала ее фрёкен Снорк.

— И никто не огорчится, если я остаток своей жизни буду праздновать с кем захочется? Пусть они мне даже не родственники?

— Никому и в голову не придет огорчаться, — заверил ее Муми-тролль.

И Филифьонка просияла, словно сбросила с души огромную тяжесть.

— И как же все просто, — сказала она. — И как прекрасно! Теперь мы впервые

в моей жизни весело отметим день летнего солнцестояния. И отметим его на славу! Ах, какие вы милые, какие милые, что придумали такой интересный праздник.

День летнего солнцестояния получился настолько интересным, что Филифьонка и мечтать об этом не могла.

— Выпьем за папу и маму! — произнес Муми-тролль и осушил свой стакан. (Как раз в эту минуту Муми-папа на борту плавающего театра предложил тост за своего сына. «За возвращение Муми-тролля! — торжественно произнес он. — За фрёкен Снорк и малютку Мю!»)

Все были сыты и довольны.

— А теперь давайте разожжем костер в честь праздника, — предложила Филифьонка.

Она загасила лампу и сунула в карман спички.

Небо было еще такое светлое, что можно было различить каждую былинку на земле. За верхушками елей, куда только что закатилось солнце, замешкалась в ожидании следующего дня алая полоска.

Они побрели через примолкший лес и вышли на заливные луга, где белая ночь была еще светлее.

— Как странно пахнут нынче ночью цветы! — сказала Филифьонка.

Едва ощутимый запах горелой резины тянулся над лугами. Наэлектризованная трава потрескивала.

— Пахнет хатифнаттами, — удивленно сказал Муми-троль. — Но обычно в это время года они уплывают под парусами в морское путешествие. Правда?

Тут фрёкен Снорк обо что-то споткнулась.

— ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРЫГАТЬ! — прочитала она.

— Какая ерунда! Смотрите, здесь полно табличек, до которых больше никому нет дела.

— Как удивительно, что все разрешается! — воскликнула Филифьонка. — Ну и ночь! А не сжечь ли нам эти таблички? Не устроить ли из них праздничный костер и не поплясать ли вокруг него, пока все не сгорит?

И костер Иванова дня запылал! Огонь с ревом набрасывался на таблички с надписями: ЗАПРЕЩАЕТСЯ СИДЕТЬ НА ТРАВЕ! ЗАПРЕЩАЕТСЯ СОБИРАТЬ ЦВЕТЫ! ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПЕТЬ!

Огонь, весело потрескивая, пожирал большие черные буквы, и снопы искр взметались к бледному ночному небу. Густой дым клубами вился над полями и белыми коврами повисал в воздухе. Филифьонка запела. Она разгребала веткой горящие угли и танцевала у костра на своих худющих ногах.

— Никаких дядюшек! Никаких тетюшек! Никогда, никогда! Вембели-бамбели-бю!

Муми-тролль и фрёкен Снорк сидели рядом, любуясь костром.

— Как ты думаешь, что делает в эту минуту моя мама? — спросил Муми-тролль.

— Конечно, празднует, — ответила фрёкен Снорк.

Таблички горели, и к небу взлетали фейерверки искр, а Филифьонка кричала:

— Ура!

— Я скоро усну, — признался Муми-тролль. — Значит, нужно собрать девять разных цветочков?

— Девять, — подтвердила фрёкен Снорк. — И поклянись, что не произнесешь ни слова.

Муми-тролль торжественно кивнул головой. Он сделал несколько выразительных жестов, означавших «спокойной ночи, увидимся завтра утром», и зашлепал по мокрой от росы траве.

— Я тоже хочу собирать цветы, — сказала Филифьонка.

Она выскочила прямо из дыма, вся в саже, но довольная.

— Я тоже хочу с вами ворожить. Сколько ты знаешь колдовских заклинаний?

— Я знаю одно страшное колдовство, которым занимаются в ночь летнего солнцестояния, — прошептала фрёкен Снорк. — Это колдовство такое страшное, что у него даже нет названия.

— Сегодня ночью я способна на что угодно, — заявила Филифьонка и горделиво зазвенела колокольчиком.

Фрёкен Снорк огляделась по сторонам.

Затем она наклонилась вперед и прошептала Филифьонке в самое ухо:

— Сначала надо обернуться семь раз во-
круг себя, бормоча заклинание и стуча но-
гами по земле. Затем надо, пятясь, дойти до
колодца и заглянуть в него. И тогда можно
увидеть в воде своего суженого, ну, того, на
ком ты женишься!

— А как его оттуда вытащить? — спро-
сила потрясенная Филифьонка.

— Фу ты, там же только его *лицо*, —
пояснила фрёкен Снорк. — Лишь его отра-
жение! Но сначала надо собрать девять раз-
ных цветочков. Раз, два, три! И если ты

скажешь сейчас хоть слово, ты никогда не выйдешь замуж!

Костер медленно угасал, превращаясь в тлеющие угли, над полями начал носиться утренний ветерок, а Фрёкен Снорк и Филифьонка все собирали свои волшебные букеты. Иногда они посматривали друг на друга и смеялись, потому что это не запрещалось. Вдруг они увидели колодец.

Филифьонка пошевелила ушами.

Фрёкен Снорк кивнула. От страха у нее побелела мордочка.

Они принялись что-то бормотать и выписывать круги, притопывая ногами. Седьмой круг был самым долгим, потому что теперь им стало по-настоящему жутко. Но если уж начал ворожить в ночь на Иванов день, то надо продолжать, а то еще неизвестно, чем все кончится.

С бьющимся сердцем, пятясь, подошли они к колодцу и остановились.

Фрёкен Снорк взяла Филифьонку за лапу.

Солнечная полоска на востоке стала шире, а дым от костра окрасился в нежный розовый цвет.

Быстро обернувшись, они поглядели в воду.

Они увидели самих себя, край колодца и посветлевшее небо.

Дрожа, они стали ждать. Они ждали долго.

И вдруг — нет, даже страшно сказать! — вдруг они увидели, как громадная голова вынырнула рядом с их отражением в воде. Голова какого-то хемуля!

То был злой и ужасно уродливый хемуль в полицейской фуражке!

В тот самый миг, когда Муми-троль срывал свой девятый цветок, он услышал отчаянный крик. Бросившись бежать, он увидел огромного хемуля, который одной лапой тряс фрёкен Снорк, а другой — Филифьонку.

— Ну, теперь вы все трое угодите в кутузку! — кричал хемуль. — Поджигатели! Морровы дети! Попробуйте только сказать, что это не вы сорвали все таблички и сожгли их. Попробуйте, если посмеете!

Но этого они, разумеется, не могли сделать. Ведь они поклялись не произносить ни слова!

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

О том, как пишут пьесу

Страшно подумать, что было бы, если бы Муми-мама, проснувшись в день летнего солнцестояния, узнала, что Муми-тролль сидит в тюрьме! Или если бы кто-нибудь рассказал Дочери Мюмлы, что ее младшая сестренка, обмотавшись ангорской шерстью, спит в шалаше из еловых веток, который соорудил Снусмумрик!

Ничего этого они не знали, и им оставалось только надеяться на лучшее. Ведь на долю семейства муми-троллей выпало приключений куда больше, чем на долю любой другой семьи, и разве все не кончалось благополучно?!

— Малышка Мю привыкла сама заботиться о себе. Я больше беспокоюсь о том, кто ненароком окажется рядом с ней, — сказала Дочь Мюмлы.

Муми-мама выглянула из окна. Шел дождь.

«Только бы они не простудились», — подумала она и осторожно уселась на кровати.

Она была вынуждена проявлять осторожность. После того как они сели на мель, пол перекосило и Муми-папе пришлось прибить мебель к полу гвоздями. Хуже всего приходилось им во время еды, потому что тарелки то и дело скатывались на пол, а когда папа пытался крепко прибить их гвоздями, они раскалывались. У всех было такое чувство, будто они постоянно занимаются альпинизмом и поднимаются в горы,

так как они ступали одной ногой чуть выше, а другой — чуть ниже. Муми-папа стал опасаться, что их ноги начнут расти неодинаково. (Правда, Хомса считал, что если ходить немного в противоположном направлении, то ноги выровняются.)

Эмма, как обычно, подметала пол.

Она с трудом карабкалась вверх, подталкивая перед собой мусор. На полпути мусор снова скатывался вниз, и ей приходилось все начинать сначала.

— Разве не лучше мести в другую сторону? — осторожно предложил Муми-папа.

— Здесь я никому не позволю меня учить, как мести, — возмутилась Эмма. — Я так мету сцену с тех пор, как вышла замуж за маэстро Филифьонка, и так буду мести, пока не умру.

— А где же сейчас твой муж, Эмма? — спросила Муми-мама.

— Он умер, — с достоинством ответила Эмма. — Ему на голову упал железный занавес, и им обоим пришел конец.

— О бедная, бедная Эмма! — воскликнула мама.

Эмма порылась в кармане и вытащила пожелтевшую фотографию.

— Вот как выглядел Филифьонк в молодости, — сказала она.

Муми-мама взглянула на фотографию. Маэстро Филлифонк стоял на фоне картины с изображенными на ней пальмами. На его физиономии выделялись огромные усы, а рядом с ним примостился кто-то ужасно озабоченный, с маленьким колпачком на голове.

— Какой представительный! — воскликнула Муми-мама. — И картину за его спиной я узнаю.

— Это задняя кулиса для «Клеопатры», — холодно заметила Эмма.

— Эту молодую даму зовут Клеопатра? — спросила мама.

Эмма схватилась за голову.

— «Клеопатра» — это название пьесы, — устало пояснила она. — А молодая дама рядом с ним — это дочь его сводной сестры, Филифьонка. Удивительно не-симпатичная племянница. Она присылает нам каждый год открытки с приглашением на праздник летнего солнцестояния, но я не утруждаю себя ответами. Вероятно, ей просто хочется пристроиться в театр.

— И вы ее не пускаете? — с упреком спросила мама.

Эмма даже бросила метлу.

— Сил моих больше нет! — воскликнула она. — Вы ничего не знаете о театре, ничегошеньки. Меньше чем ничего. И хватит об этом.

— Не могли бы вы, Эмма, немножко просветить меня? — робко попросила Муми-мама.

Эмма заколебалась, но затем решила смилостивиться.

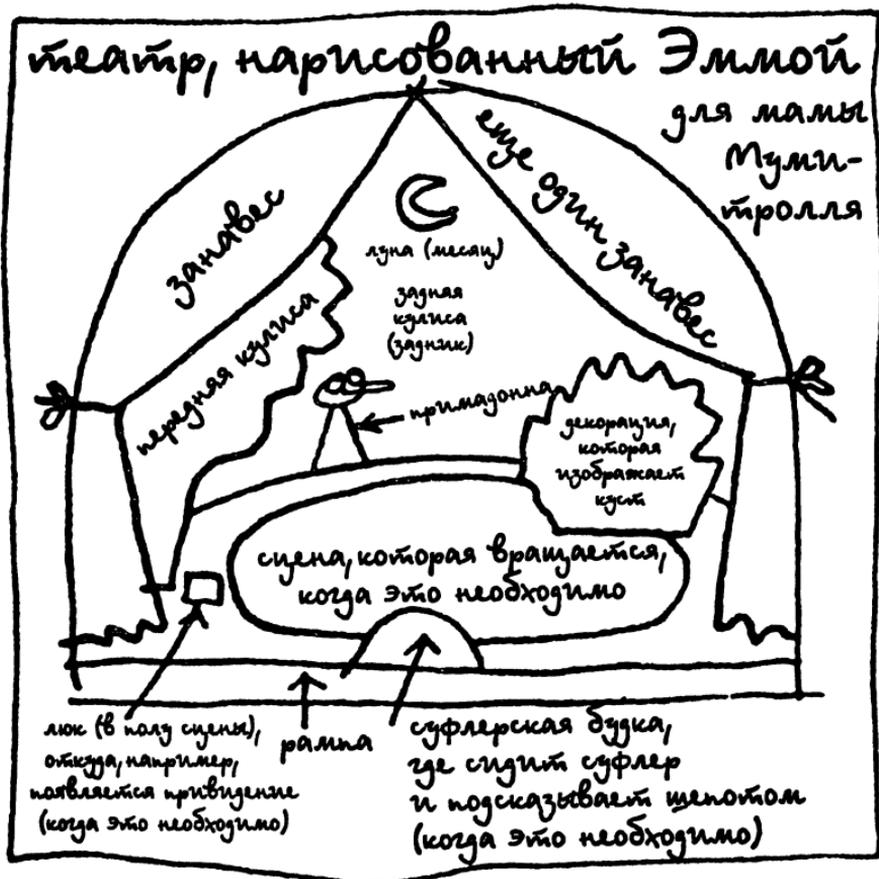
Она села на краешек постели возле Муми-мамы и сказала:

— Театр — это не зал и не палуба парохода. Театр — это самое важное в мире, потому что там показывают, какими все должны быть и какими мечтают быть —

правда, многим не хватает на это смелости — и какие они в жизни.

— Так это же исправительный дом! — в ужасе воскликнула Муми-мама.

Эмма терпеливо покачала головой. Она взяла клочок бумаги и дрожащей лапкой нарисовала театр для Муми-мамы. Она объяснила, что к чему, и записала, чтобы Муми-мама ничего не забыла.

Пока Эмма рисовала, подошли все остальные и окружили ее.

— Вот так было в театре, когда мы ставили «Клеопатру», — рассказывала Эмма. — Зрительный зал (я не имею в виду гостиную) был полон людей, и никто не шелкнулся и слова не вымолвил, пока шла премьера (это значит, что пьесу играют в самый первый раз). Когда зашло солнце, я, как обычно, зажгла огни ramпы и три раза стукнула об пол, прежде чем поднялся занавес. Вот так!

— Это зачем? — спросила Мюмла.

— Чтобы было более торжественно, — призналась Эмма, и ее маленькие глазки сверкнули. — Это словно зов судьбы, рок, понятно?! Занавес поднимается, красный прожектор освещает Клеопатру, публика затаила дыхание...

— А Реквизит тоже был там? — спросил Хомса.

— Реквизит — это название комнаты, — пояснила Эмма. — Там хранится все, что нужно для спектакля. О, примадонна была необыкновенно красива и трагична...

— Примадонна? — переспросила Миса.

— Ну, это самая важная из актрис. Она всегда играет самую лучшую роль и всегда получает то, что хочет. Но упаси меня от этой чести...

— Я хочу быть примадонной, — прервала Эмму Миса. — Только мне бы хотелось сыграть печальную роль, чтобы можно было вскрикивать, рыдать и плакать.

— Тогда тебе надо играть в трагедии или драме, — пояснила Эмма. — И умереть в последнем акте.

— Вот именно! — воскликнула Миса. Щеки ее пылали. Подумать только, стать совсем не той, кто ты есть на самом деле! Никто тогда больше не скажет: «Вот идет Миса», а будут говорить: «Посмотри на эту трагическую даму в красном бархате... великую примадонну... Видно, она много страдала».

— Ты теперь будешь выступать перед нами? — спросил Хомса.

— Я? Выступать? Перед вами? — прошептала Миса, и на глаза ее навернулись слезы.

— Тогда и я хочу быть примадонной, — сказала Дочь Мюмлы.

— А что ты будешь играть? — недоверчиво спросила Эмма.

Муми-мама посмотрела на папу.

— Ты, наверное, мог бы написать пьесу, если Эмма тебе поможет, — сказала она. — Ведь ты написал мемуары. Наверное, не так уж трудно писать и стихи?

— Куда там! Не умею я писать пьесы, — сказал папа и покраснел.

— Конечно, ты сумеешь, дорогой, — стояла на своем мама. — А мы выучим твою пьесу наизусть. Все придут смотреть, как мы играем в театре. Много-много разного народу; их будет все больше и больше, и они станут рассказывать своим знакомым, как это замечательно. Наконец слух о театре дойдет до Муми-тролля, и он найдет дорогу к дому. Муми-троль, фрёкен Снорк, малышка Мю вернутся домой, и все кончится благополучно! — закончила свою речь Муми-мама и захлопала в ладоши от радости.

Все с сомнением посмотрели друг на друга, потом взглянули на Эмму. Та развела лапками.

— Наверное, получится что-то ужасное, — сказала она. — Но если вам так хочется потерпеть фиаско, я не откажусь давать вам советы. Иногда, когда у меня найдется свободная минутка. — И продолжала рассказывать, как играют в театре.

Вечером Муми-папа уже закончил пьесу. И прочитал ее всем. Никто не прерывал его, и когда он кончил, воцарилась тишина.

Наконец Эмма сказала:

— Нет, нет и еще раз нет!

— Неужели так уж плохо? — спросил расстроенный папа.

— Хуже некуда, — ответила Эмма. —
Послушай только:

*Не боюсь я льва,
Убиваю его всегда!*

Ужасно!

— Но я непременно хочу, чтобы был лев, — упрямо возразил папа.

— Нужно писать гекзаметром! Гекзаметром, а не рифмовать.

— А что такое гекзаметр? — спросил папа.

— А вот что: тамтара-тамтара-тамтара-тамтара, тамтара-там-та, — объяснила Эмма.

Папа просиял.

— Перепиши все гекзаметром, — посоветовала Эмма. — И запомни, что в настоящей трагедии, написанной старинным стилем, все должны быть в родстве друг с другом.

— Но как же они могут так злиться друг на друга, если они в родстве? — робко спросила Муми-мама. — И как можно без принцессы? Без счастливого конца? Ведь так грустно, когда кто-то умирает.

— Это трагедия, дорогая моя, — сказал папа. — И обязательно в конце кто-то должен умереть. Еще лучше, если умрут все, кроме одного, но желательно, чтобы и он тоже. Так посоветовала Эмма.

— Пусть я умру в конце, — пропищала Мигса.

— А может, мне убить Мису? — попросила Дочь Мюмлы.

— Я-то думал, что Муми-папа напишет детектив, — разочарованно протянул Хомса. — Такой, чтобы всех подозревали и было множество версий, над которыми бы пришлось поломать голову.

Папа обиженно встал и стал собирать свои листки.

— Если вам не нравится моя пьеса, пожалуйста, пишите сами новую, — сказал он.

— Голубчик, — утешала его мама, — мы находим пьесу замечательной. Не правда ли?

— Конечно, — подтвердили все в один голос.

— Вот видишь, она всем нравится, — сказала мама. — Только чуть подправь ее, измени содержание и стиль. Я позабочусь, чтобы никто не мешал тебе. И пока ты работаешь, возле тебя будет стоять вазочка с карамельками.

— Ладно, — согласился папа. — Но лев должен остаться!

— Разумеется, без льва не обойтись, — поддакнула мама.

Муми-папа трудился вовсю. Все молчали, боясь произнести хоть слово или шевельнуть-

ся. Едва закончив рукопись, папа сразу стал читать вслух. Мама все время подкладывала ему карамельки. Все были возбуждены и полны больших надежд.

Ночью им не спалось.

Эмма почувствовала, как у нее прибавляются силы. Она не думала ни о чем другом, кроме генеральной репетиции.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Об одном несчастном папе

Утром того самого дня, когда Муми-папа писал свою пьесу, а Муми-троль попал в тюрьму, Снусмумрик проснулся оттого, что сквозь еловые ветки в шалаш стали просачиваться дождевые капли.

Боясь разбудить малышей, он осторожно выглянул из шалаша.

Там, в мокром лесу, на ковре из полевых гвоздик рос прекрасный зеленый папоротник, но Снусмумрик пожалел, что вместо этого цветочного ковра не было поля с репой или брюквой.

«Да, вот так же, наверно, чувствуешь себя, когда становишься отцом, — подумал

он. — Чем я буду сегодня кормить малышей? Мю не съест много, но эта орава опустошит весь рюкзак».

Он обернулся и посмотрел на маленький лесной народец, спавший в шалаше прямо на поросшей мхом земле.

«Теперь они еще начнут чихать от дождя, — мрачно подумал он про себя. — Да и это не самое страшное. Просто не знаю, что и придумать, чтобы развлечь их. Курить они не хотят. Мои рассказы их пугают. И времени стоять на голове целый день у меня нет, потому что тогда я не доберусь в Муми-дален до самой осени. Как будет хорошо, когда Муми-мама возьмет их всех на свое попечение!

«Муми-тролль, — с неожиданной нежностью подумал Снусмумрик. — Мы снова будем плавать вместе при лунном свете, а потом поболтаем в пещере...»

Одному из малышей приснился страшный сон, и он начал кричать. Все остальные проснулись и тоже заорали из солидарности с ним.

— Тс-с-с! — шикнул на малышей Снусмумрик. — Хопе-ти-хоп! Титте-Рити!

Но это не помогло.

— Им вовсе не смешно, — пояснила малышка Мю. — Ты должен сделать, как моя сестра. Скажи им, что, если они не замолчат,

ты их убьешь. Потом ты попросишь у них прощения и дашь им карамелек.

— И это помогает?

— Не особенно, — ответила малышка Мю.

Снусмумрик поднял шалаш из еловых веток и бросил его в кусты можжевельника.

— Вот так надо поступать с домом, в котором уже переночевали.

Лесные малыши сразу притихли и наморщили носики, покрытые каплями моросящего дождя.

— Идет дождь, — сказал один.

— Хочу есть, — сказал другой.

Снусмумрик беспомощно посмотрел на малышку Мю.

— Попугай их Моррой! — предложила она. — Так делает моя сестра.

— А ты тогда слушаешься? — спросил Снусмумрик.

— Конечно нет! — ответила Мю и так расхохоталась, что повалилась на спину.

Снусмумрик вздохнул.

— Ну пошли, — приказал он. — Да побыстрее! Поторапливайтесь, я вам кое-что покажу!

— А что? — заинтересовались малыши.

— Кое-что, — неопределенно протянул Снусмумрик и покрутил в воздухе лапой.

— Так просто ты не отделаешься, — сказала малышка Мю.

Они все шли и шли. А дождь все лил и лил. Лесные малыши чихали, теряли башмачки и ныли, почему им не дают бутербродов. Некоторые ссорились друг с другом и вступали в драку. Один забил себе нос хвоей, другой укололся об ежа.

Снусмумрик почти пожалел Сторожиху парка. Одного малыша он нес на полях шляпы, двоих — на плечах, двоих — под мышками. Мокрый и несчастный, он пробирался сквозь густой черничник. И когда ему стало уже совсем невозможно, он увидел перед собой полянку. Посреди полянки стоял домик, его трубу и столбы калитки обвивали гирлянды увядших листьев. Пошатываясь, Снусмумрик добрал до двери, постучал и стал ждать.

Никто не открывал.

Он забарабанил сильнее. Ни звука. Тогда он толкнул дверь и вошел в домик. Там никого не было. Цветы на столе тоже увяли, а часы остановились. Он опустил малышей на пол и подошел к остывшей плите. Там красовался пирог. Снусмумрик прошел в кладовку. Малыши терпеливо ожидали его. Стояла тишина. Но вот Снусмумрик вернулся и поставил на стол горшок с бобами.

— Ешьте, пока не потолстеете. Затем мы немножко передохнем и успокоимся, а я тем

временем узнаю, как вас зовут. Дайте мне огонька для трубки!

Все малыши бросились зажигать Снусмумрику трубку, а чуть позже в очаге уже пылал огонь, а все платица и штанишки сушились на веревке. На столе стояло огромное блюдо дымящихся бобов. За окном с беспросветно-серого неба сплошным потоком лил дождь. Было слышно, как дождь шелестел по крыше и как дрова потрескивали в плите.

— Ну как? — спросил Снусмумрик. — Кто хочет играть в песочнице?

Лесные малыши посмотрели на него, рассмеялись и принялись поедать коричневые бобы Филифьонки.

Но сама Филифьонка и не подозревала, что к ней явились гости. Она сидела в тюрьме за нарушение правил общественного порядка.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

О генеральной репетиции

Шла генеральная репетиция пьесы Мумипапы, и горели все лампы, хотя до вечера было еще далеко.

Бобрам пообещали контрамарки на премьеру, назначенную на следующий день. За это они сняли театр с мели и вывели его на глубину. Сцена, правда, все же была слегка перекошена, что было довольно неудобно.

Ее закрыли занавесом, красным и таинственным, а перед сценой покачивалась целая флотилия лодок. Любопытные зрители ждали с самого восхода солнца. Они запас-

лись обедом, так как генеральные репетиции всегда продолжаются долго.

— Мама, что такое генеральная репетиция? — спросил маленький ежик в одной из лодок.

— Это когда они примериваются в последний раз, чтобы быть совершенно уверенными в том, что все идет как надо, — ответила мама-ежиха. — Завтра они будут играть по-настоящему, и тогда за спектакль нужно будет платить. А сегодня спектакль для таких бедных ежей, как мы, бесплатный.

Но за занавесом артисты совсем не были уверены, что все идет как надо. Муми-папа наспех переписывал пьесу.

Миса плакала.

— Мы же сказали, что обе хотим умереть в конце! — разорялась Дочь Мюмлы. — Почему только ее должен съесть лев? Ведь мы обе невесты льва. Разве ты не помнишь?

— Хорошо, хорошо, — нервно бормотал папа. — Сначала лев съест тебя, а потом Мису. Но не мешай мне, я пытаюсь думать гекзаметром!

— Кто же тогда состоит с ним в родстве? — озабоченно спросила мама. — Вчера Дочь Мюмлы была замужем за твоим

уехавшим сыном. А теперь, выходит, замужем за ним Миса, а я что же, ее мама? И Дочь Мюмлы не замужем?

— Не хочу быть не замужем, — тотчас ответила Дочь Мюмлы.

— Будьте сестрами! — в отчаянии воскликнул папа. — И тогда Дочь Мюмлы будет твоей невесткой. Я хочу сказать моей. Вернее, твоей теткой, сестрой твоего отца.

— Но это никуда не годится, — вмешался Хомса. — Если Муми-мама твоя жена, то невестка *не может* быть твоей теткой.

— Все это не имеет никакого значения, — сказал Муми-папа. — И вообще не будет вам никакой пьесы!

— Успокойтесь и возьмите себя в руки, — с неожиданным пониманием сказала Эмма. — Все обойдется. Публика ведь не за тем идет в театр, чтобы понимать.

— Душечка Эмма, — умоляла Муми-мама. — Платье мне слишком узко... оно все время расходится на спине.

— И запомни! — прошипела Эмма, держа во рту булавки. — Нельзя казаться

веселой, когда она придет и станет говорить, что сын ее отравил свою душу ложью!

— Ну конечно не буду! — заверила Эмму Муми-мама. — Я обещаю казаться печальной.

Миса зубрила свою роль. Вдруг она отбросила листок и закричала:

— Роль слишком веселая, она мне не подходит!

— Замолчи, Миса! — строго сказала Эмма. — Мы начинаем. Освещение готово?

Хомса включил желтый прожектор.

— Красный! Красный! — закричала Дочь Мюмлы. — Мой выход красный! Почему он всегда путает свет?

— Так всегда бывает, — успокоила ее Эмма. — Вы готовы?

— Я не знаю своей роли, — в панике пробормотал Муми-папа. — Я не помню ни единого слова.

Эмма похлопала его до плечу.

— Понятно, — сказала она. — Все как и положено на генеральной репетиции.

Она ударила три раза палкой об пол, и в лодках воцарилась тишина. Счастье теплой волной согрело её душу, когда она принялась крутить ручку, поднимая занавес.

Шепот восхищения раздался среди многочисленных зрителей, присутствовавших на генеральной репетиции. Большинство из них никогда не бывали раньше в театре.

Они увидели мрачные скалы в багряном освещении!

Несколько правее платяного шкафа с зеркалом (задрапированного черным покрывалом) сидела Дочь Мюмлы в тюлевой юбке

с венчиком бумажных цветов на макушке. Мгновение она с интересом смотрела на зрителей, расположившихся за рампой, а потом принялась быстро, без тени смущения, декламировать:

*Я умру нынче ночью, хотя невинность
моя к небесам вопиет,
обернись, море, кровью, а весенняя земля
грозой,*

*прекрасная, как распускающаяся роза,
с росой юности на лбу,
я грубо и жестоко попрана горьким
роком.*

Внезапно за кулисами раздалось пронзительное завывание Эммы:

О, роковая ночь!

О, роковая ночь!
О, роковая ночь!

Муми-папа вышел из левой кулисы с плащом, небрежно переброшенным через плечо. Он повернулся к публике и стал читать дрожащим голосом:

*Увы родства и дружбы должны быть
разорваны,
когда меня призывает мой долг,
ах, неужто корону мою узурпирует
сестра
моего внука, сына дочери?*

Заметив, что ошибся, папа снова прочитал:

*...ах, неужто корону мою узурпирует
тетка
моего внука, сына дочери?*

Муми-мама, высунув мордочку, прошептала:

*...неужто корону мою узурпирует
сестра моей невестки, жены сына!*

— Да, да, да, — подтвердил Муми-папа. — Я пропущу эти слова.

Шагнув к Дочери Мюмлы, спрятавшейся за зеркальным шкафом, он произнес:

О ты, неверная Дочь Мюмлы, дрожи и
слушай,
как страшный лев в ярости сотрясает
свою клетку и рычит от голода на луну!

Наступило долгое молчание.

...от голода на луну!

— чуть громче повторил папа.

Но ничего не произошло.

Обернувшись налево, Муми-папа спросил:

— Почему не рычит лев?

— Не стану рычать, пока Хомса не подвесит луну, — заявила Эмма.

Хомса высунулся из-за кулис.

— Миса обещала сделать луну и не сделала, — оправдывался он.

— Ладно, ладно, — поспешно сказал Муми-папа. — Пусть Миса лучше явится на сцену, я все равно вышел из образа.

Миса важно выплыла на сцену в красном бархатном платье. Она стояла несколько мгновений безмолвно, закрыв лапой глаза и упиваясь тем, что она примадонна. Это было бесподобно!

— О, какая радость! — подсказала Муми-мама, подумав, что Миса забыла свою роль.

— Я держу паузу! — тихонько огрызнулась Миса. Она приблизилась к рампе и простерла лапы к публике.

Что-то щелкнуло. Это Хомса запустил вентилятор в осветительской.

— Что это, пылесос? — удивился ежик.

— Помолчи! — заворчала ежиха.

Миса начала декламировать трагическим голосом:

— О, радость созерцать, как голова твоя раскалывается на куски...

Она оступилась, запуталась в бархатном платье и прямо со сцены упала в лодку, где сидели ежи.

Зрители закричали «ура!» и снова водрузили Мису на сцену.

— Только не волнуйся, фрёкен, — напутствовал ее пожилой бобер. — Давай сразу откусывай ей голову!

— Кому? — в недоумении спросила Миса.

— Тетке вашей внучки, разумеется, — пояснил бобер.

— Они ничего не поняли, — зашептал Муми-папа жене. — Скорее выходи на сцену, будь добра!

Мама быстренько подобрала юбки и, вынырнув на сцену с доброй и смущенной улыбкой, весело сказала:

*О, судьба, укрой свое чело черным как
ночь посланием, которое я несу!
Твой сын обманом проложил себе путь
и отравил твою душу ложью!*

*О, роковая ночь!
О, роковая ночь!
О, роковая ночь!*

— бубнила словно молитву Эмма.

Муми-папа тревожно смотрел на маму.

— Введите льва, — прошептала она, желая ему помочь.

— Введите льва, — повторил папа. — Введите льва, — неуверенно повторил он еще раз. А под конец закричал: — Давайте сюда льва!

За сценой послышался громкий топот. Затем выскочил лев, сделанный из старого покрывала. Передние лапы льва изображал один бобер, а задние — другой. Публика визжала от восторга.

Лев заколебался, потом подошел к рампе и поклонился и при этом разошелся на две части.

Публика похлопала в ладоши и стала разъезжаться по домам.

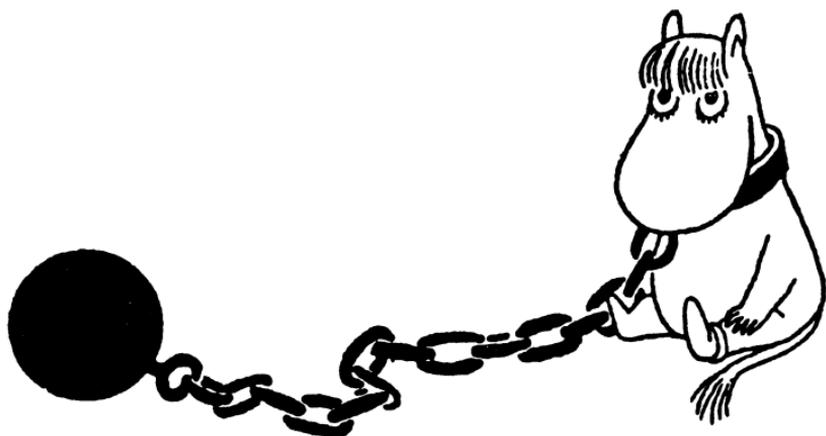
— Еще не конец! — кричал Муми-папа.

— Дорогой, они снова придут завтра утром, — сказала мама. — Эмма считает, что премьеры не будет иметь успеха, если генеральная репетиция не кончится маленьким провалом.

— Ах вот оно что! — сказал, успокоившись, папа. — Во всяком случае они часто смеялись, — радостно добавил он.

Миса отошла немного в сторону, чтобы успокоиться. Ее сердце страшно колотилось.

— Они аплодировали мне, — прошептала она про себя. — О, как я счастлива! Я буду всегда, всегда вот так счастлива!

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

О том, как обманывают
тюремного надзирателя

На следующее утро были разосланы театральные афиши. Птицы летали над заливом и сбрасывали театральные плакатики. Красочные афишки (их нарисовали Хомса и Мюмла) кружились над лесом, над берегом, над лугами, над водой, над крышами домов и садами.

Одна афишка, покружив над тюрьмой, упала к ногам Хемуля. Он сидел и дремал на солнышке, натянув полицейскую фуражку на лоб. Хемуль тотчас заподозрил, что это тайное послание узникам, и цепко схватил листок.

Как раз сейчас у него под замком сидело не меньше трех узников, а больше у него

никогда не бывало с тех пор, как он стал надзирателем тюрьмы. Уже около двух лет ему не доводилось никого стеречь, и понятно, почему он так боялся за своих подопечных.

Итак, Хемуль водрузил на нос очки и вслух прочел афишку.

— Премьера! — читал он.

«НЕВЕСТЫ ЛЬВА,
или
РОДСТВЕННЫЕ УЗЫ»

Одноактная драма Муми-папы

Действующие лица:

Муми-мама, Муми-папа,
Дочь Мюмлы, Миса и Хомса.

Хор: Эмма.

Входная плата — любая еда.

Начало:

сегодня вечером, когда зайдет солнце,
если не будет дождя и ветра.

Окончание:

в тот час, когда детям пора спать.

Представление состоится
посреди залива Гранвикен.

Лодки можно брать напрокат у хемулей.

Дирекция театра

— Театр? — задумчиво произнес Хемуль и снял очки. В его очерстневшем сердце затеплилась слабая искорка воспоминаний детства. Верно, тетя однажды водила его в театр. Они смотрели пьесу о какой-то спящей принцессе, которая заснула под кустом роз. Было необычайно красиво, и Хемулю очень понравилось. Внезапно он понял, что ему снова захотелось в театр.

Но кто будет сторожить узников?

Он не помнил, чтобы хоть один хемуль когда-нибудь бездельничал. Бедный надзиратель ломал себе голову — что делать? Он уткнулся носом в прутья железной клетки, стоящей в тени, и сказал:

— Мне бы так хотелось пойти в театр сегодня вечером.

— В театр? — переспросил Муми-тролль и наострил уши.

— Да, на спектакль «Невесты льва», — объяснил Хемуль и сунул афишку в клетку. — Не знаю, кого мне оставить сторожить вас.

Муми-тролль и фрёкен Снорк посмотрели на театральную афишку, а потом друг на друга.

— Наверняка что-нибудь о принцессах, — сказал Хемуль печальным голосом. — Сколько лет прошло с тех пор, как я видел маленькую принцессу!

— Тебе надо обязательно пойти и посмотреть на нее, — сказала фрёкен Снорк. — Разве у тебя нет на примете какого-нибудь доброго родственника, который тем временем посторожил бы нас?

— Конечно, у меня есть двоюродная сестра, — ответил Хемуль. — Но она *слишком* добрая и может вас выпустить.

— А когда нас казнят? — внезапно спросила Филифьонка.

— Вот еще, никто не собирается вас казнить, — смущенно ответил Хемуль. — Вы будете сидеть в кутузке, пока не сознаетесь в том, что натворили... А потом вы должны будете сделать новые таблички и пять тысяч раз написать «запрещается».

— Но ведь мы не виноваты... — начала было Филифьонка.

— Да-да-да! Опять за старое, — прервал ее Хемуль. — Я уже это слышал, так все говорят.

— Послушай-ка, — сказал Мумитроль. — Ты будешь раскаиваться всю свою жизнь, если не пойдешь в театр. Конечно, там есть принцессы. Невесты льва.

Хемуль пожал плечами и вздохнул.

— Ну не упрямясь, — уговаривала его фрёкен Снорк. — Веди сюда свою двоюродную сестру, мы хоть на нее посмотрим. Все-таки добрый сторож лучше, чем никакой.

— Да, уж это верно, — угрюмо согласился Хемуль. Он поднялся и засеменял куда-то.

— Вы только подумайте! — воскликнул Муми-тролль. — Вы помните, что нам приснилось в ночь летнего солнцестояния? О львах! Об огромном льве, которого укусила за ногу малышка Мю! И вот что они там придумали у нас дома!

— А мне приснилось, что у меня будет много-премного новых родственников, — сказала Филифьонка. — Вот был бы кошмар! Это теперь-то, когда я только разделалась со старыми!

Тут вернулся Хемуль.

Он привел с собой маленькую тщедуш-
ненькую хемулиху. Она казалась очень ис-
пуганной.

— Ну как, сможешь посторожить их за
меня? — спросил Хемуль.

— А они не кусаются? — прошептала
крохотная хемулиха, которая резко выделя-
лась среди всех хемулей.

Хемуль фыркнул и протянул ей ключ от
клетки.

— Конечно, кусаются, — пошутил он. —
Они перегрызут тебя пополам, кникс-кнакс,
если ты выпустишь их. А я пошел переоде-
ваться перед премьерой. Привет всей ком-
пании!

Как только он скрылся из виду, хемулиха, бросая испуганные взгляды на клетку, принялась вязать.

— Что ты вяжешь? — приветливо спросила фрёкен Снорк.

Хемулиха вздрогнула.

— Не знаю, — прошептала она испуганно. — Когда я вяжу, мне всегда спокойнее.

— Может быть, ты свяжешь мне носочки? Цвет шерсти очень для этого подходящий, — сказала фрёкен Снорк.

Маленькая хемулиха в раздумье уставилась на вязанье.

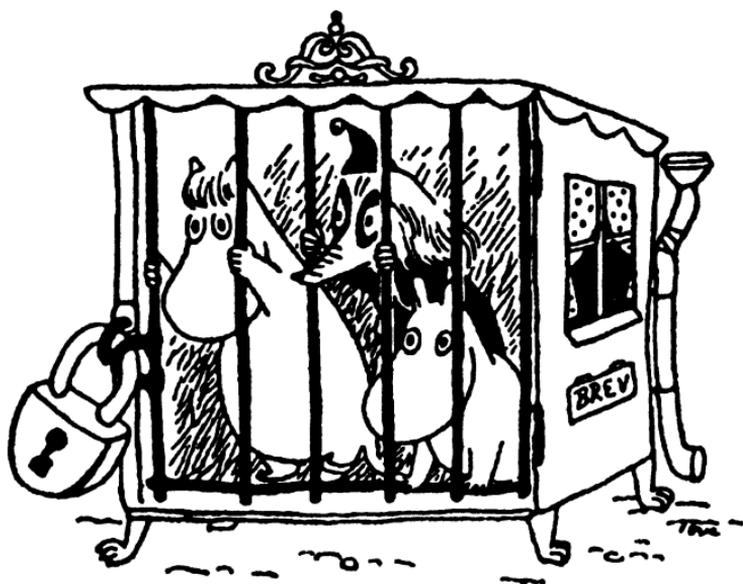
— Разве ни у кого из твоих знакомых не мерзнут ноги зимой? — спросила Филифьонка.

— У моей подруги мерзнут, — призналась хемулиха.

— И у моей одной знакомой тоже вечно мерзнут ноги, — поддержала разговор Филлифонка. — У жены моего дядюшки, который служит в театре. Говорят, что там жуткие сквозняки. Что за пытка служить в театре!

— Но и здесь сквозняк, — сказал Муми-троль.

— Об этом моему двоюродному братцу следовало бы подумать, — робко сказала

хемулиха. — Если подождете, я свяжу для вас носочки.

— Пожалуй, мы умрем, прежде чем они будут готовы, — мрачно заметил Муми-троль.

Маленькая хемулиха забеспокоилась и осторожно подошла к клетке.

— Может, повесить на клетку одеяло? — предложила она.

Они пожали плечами и еще плотнее прижались друг к дружке, стуча зубами.

— Вы и вправду так замерзли, что простудились? — в ужасе спросила маленькая хемулиха.

Фрёкен Снорк зашлась кашлем.

— *Может быть*, чашка чаю со смородиновым вареньем могла бы спасти меня, — сказала фрёкен Снорк. — Кто знает!

Хемулиха долго колебалась. Уткнувшись носом в вязанье, она поглядывала на узников.

— Если вы умрете... — прошептала она дрожащим голосом, — если вы умрете, моему двоюродному братцу вряд ли будет интересно сторожить вас.

— Едва ли, — согласилась Филифьонка.

— Может, мне все же снять мерку для носочков?

Они усиленно закивали головами.

Тогда хемулиха открыла клетку и застенчиво спросила:

— Может, вы не откажетесь выпить чашку горячего чая! С вареньем из черной смородины? А носочки получите, как только они будут готовы. Как хорошо, что вы посоветовали мне связать носочки! Когда знаешь,

для кого вяжешь, работа становится интересней, наверно, вы поняли, что я хочу сказать.

И вот они отправились домой к маленькой хемулихе и попили у нее чаю. Она, не дожидаясь их согласия, испекла им целую гору пирожков. Это заняло много времени. За окном уже стемнело. Тут фрёкен Снорк поднялась и сказала:

— Нам пора идти. Огромное спасибо за чай!

— Мне очень неприятно, что я вынуждена снова посадить вас в тюрьму, — сказала, как бы извиняясь, хемулиха и сняла ключ с гвоздя.

— Но мы не собираемся возвращаться в тюрьму, — возразил Муми-тролль. — Мы собираемся идти к себе домой, в театр.

У хемулихи навернулись слезы на глаза.

— Мой двоюродный брат будет страшно огорчен, — сказала она.

— Но мы ни в чем не виноваты! — воскликнула Филифьонка.

— Почему же вы сразу не сказали об этом? — с облегчением произнесла маленькая хемулиха. — Тогда, конечно, идите в театр. Хотя, наверно, мне лучше пойти с вами и объяснить все моему братцу самой.

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

О премьерe пьесы

Пока маленькая хемулиха угощала гостей чаем у себя дома, театральные афишки продолжали кружиться над лесом. Одна из них спланировала на лесную полянку и прилипла к крыше, которую только что просмолили.

В тот же миг двадцать четыре малыша вскарабкались на крышу, чтобы подобрать листок. Каждый из них хотел первым вручить его Снусмумрику. А поскольку афишка была из тонкой бумаги, она тотчас превратилась в двадцать четыре клочка (а все, что осталось от нее, упало в трубу и сгорело).

— Тебе письмо! — визжали лесные малыши, скатываясь, спрыгивая и съезжая с крыши.

— Морровы дети! — ворчал Снусмумрик, который стирал их чулки за домом. — Вы что, забыли, что мы утром просмолили крышу? Может, вы хотите, чтобы я ушел от вас, или бросился в море, или всех вас убил?

— Не хотим! — кричали малыши, дергая его за пиджак. — Прочти лучше *письмо!*

— Вы хотите сказать, прочти *письма?* — спросил Снусмумрик и вытер мыльную пену о волосы одного из малышей. — Ладно, ладно! Что там еще за таинственное письмо?

Он разложил на траве смятые клочки бумаги и попытался сложить вместе то, что осталось от афишки.

— Читай вслух! — закричали малыши.

— «Одноактная драма...» — читал Снусмумрик. — «Невесты льва, или» (здесь, кажется, не хватает кусочка...) «Входная плата — любая еда»... (ай-ай)... «сегодня вечером, когда зайдет солнц...» (солнце), «если не будет дождя и ветра» (здесь все ясно)... ание... ать (нет, непонятно) ...«посреди залива Гранвикен...»

— Ну вот что, — сказал Снусмумрик и поднял глаза от письма. — Это, мои маленькие злодеи, не письмо, а театральная афишка. Ясно, что кто-то дает театральное представление сегодня вечером в заливе Гранвикен. Почему они устраивают спектакль на воде, знает лишь покровитель всех лесных зверюшек, но, может, по ходу действия им нужны волны.

— А малышам вход запрещен? — спросил самый младший.

— А лев всамделишный? — закричали другие. — Мы сразу туда пойдем?

Снусмумрик посмотрел на них и понял, что они непременно должны побывать в театре.

— Наверно, я смогу заплатить за нас горшочком бобов, — озабоченно рассуждал он. — Конечно, если этого будет достаточно... мы уже съели порядком. Лишь бы не подумали, что все двадцать четыре — мои собственные... а не то я засмущаюсь. И чем только я буду кормить их утром?

— Разве ты не рад тому, что пойдешь в театр? — спросил Снусмумрика самый младший и потерся носом о его брючину.

— Ужасно счастлив, шелковистая мордочка, — ответил Снусмумрик. — А сейчас мы попытаемся привести вас в порядок. Во всяком случае сделать почище. Платки у вас есть? Ведь мы идем на спектакль!

Никаких платков у них и в помине не было.

— Ну ничего, в крайнем случае можно сморкаться в подол рубашки или во что придется, — утешил малышей Снусмумрик.

Солнце уже опустилось почти до самого горизонта, когда Снусмумрик наконец справился со всеми платьями и штанишками. Конечно, на них еще виднелись остатки

смолы, но по крайней мере было видно, что он старался вовсю.

Взволнованные и торжественные, отправились они к заливу Гранвикен.

Снусмумрик шел первым, прижав к груди горшочек бобов, а за ним парами следовали его лесные малыши, расчесанные на прямой пробор от бровей до самого хвостика.

Малышка Мю сидела на шляпе Снусмумрика и распевала. Она завернулась в этикетку от кофе, так как к вечеру могло похолодать. По случаю премьеры у берега царило всеобщее оживление. Залив был битком набит лодками, все они направлялись к театру.

Самодельный оркестр хемулей играл на плоту у самой рампы, сиявшей огнями.

Был тихий, чудесный вечер.

За две горсти бобов Снусмумрик взял напрокат лодку и стал грести к театру.

— Мумрик! — окликнул его старший из малышей, когда они уже были на полпути.

— Что? — отозвался Снусмумрик.

— Мы приготовили тебе подарок, — сказал один из малышей, покраснев до корней волос.

Снусмумрик отдыхал на веслах, вынув из рта трубку.

Старший из малышей, прятавший подарок за спиной, достал что-то скомканное, неопределенного цвета.

— Это кисет для табака, — сказал он чуть слышно. — Мы все понемножку тайно вышивали его!

Снусмумрик взял кисет, заглянул в него (это была одна из старых шляпок Филлифонки), потом принялся.

— Листья малины! — горделиво крикнул младший. — Их можно курить по воскресеньям!

— Великолепный кисет! — одобрительно сказал Снусмумрик. — И как приятно затянуться таким табачком в воскресенье!

Он пожал каждому малышу лапку и поблагодарил.

— Я не вышивала! — крикнула малышка Мю, сидя на шляпе Снусмумрика. — Но придумала это я!

Гребная лодка подплыла к рампе театра, и Мю удивленно наморщила носик.

— Неужели все театры такие? — спросила она.

— Наверно, — ответил Снусмумрик, — когда поднимается занавес, вы должны молчать. И не свалитесь за борт, если на сцене случится что-нибудь страшное. Когда все закончится, похлопайте лапками, так вы покажете, что спектакль вам понравился.

Мальши сидели не двигаясь и только таращили глазенки.

Снусмумрик с опаской поглядел по сторонам. Никто не смеялся над ними. Все взоры были прикованы к освещенному занавесу. Лишь пожилой хемуль подплыл к ним и сказал:

— Пожалуйста, заплатите за вход.

Снусмумрик протянул ему горшочек бобов.

— Это за всех? — спросил хемуль и принялся пересчитывать малышей.

— Разве мало? — спросил обеспокоенный Снусмумрик.

— Я даже верну вам немного обратно, — сказал хемуль и отсыпал плоску бобов Снусмумрику. — Справедливость — прежде всего!

Тут оркестр умолк, и все зааплодировали. Потом все стихло.

В полной тишине за занавесом раздались три резких удара об пол.

— Мне страшно! — запищал самый маленький и схватил Снусмумрика за рукав пиджака.

— Ну-у, держись за меня, и все обойдется, — подбодрил его Снусмумрик. — Видишь, они уже поднимают занавес.

Перед бесчисленными зрителями предстал скалистый ландшафт.

Справа сидела Дочь Мюмлы в тюлевой юбочке, и на голове у нее был венок из бумажных цветов.

Малышка Мю перегнулась через бортик шляпы и сказала:

— Провалиться мне сквозь землю, если это не моя старушка сестрица!

— Разве ты в родстве с Дочерью Мюмлы? — удивился Снусмумрик.

— Но я же все время болтала о своей сестре, — сказала Мю с обидой. — Ты, видно, совсем не слушал меня.

Снусмумрик глядел на сцену. Его трубка погасла. Он видел, как слева вышел на сцену Муми-папа и принялся декламировать стихи об уйме всяких родственников и о льве.

Тут вдруг малышка Мю прыгнула на колени к Снусмумрику и возмущенно закричала:

— Почему Муми-папа злится на мою сестру? Он не смеет ругать мою сестру!

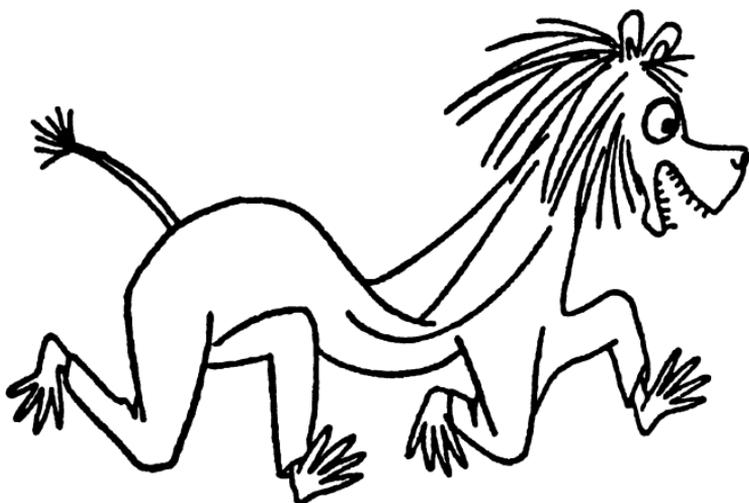
— Тише, тише! Это же пьеса! — рассеянно ответил Снусмумрик.

Он глядел на маленькую толстую дамочку в красном бархате, которая утверждала: она,

мол, бесконечно счастлива, — хотя вид у нее был такой, будто у нее что-то болит.

Кто-то, кого он не знал, все время выкрикивал в глубине сцены: «О, роковая ночь!»

Снусмумрик еще более удивился, когда увидел, что на сцену выплыла Муми-мама.

«Что случилось с семейством муми-троллей? — подумал он. — Правда, они всегда что-нибудь придумывали, но это уж слишком! Теперь, чего доброго, выйдет на сцену Мумитроль и начнет понемножку декламировать».

Но Мумитроль не вышел. Зато на сцену выскочил лев и зарычал.

Мальши закричали и чуть не свалились за борт.

— Чушь какая-то, — сказал Хемуль в полицейской фуражке, сидевший в соседней лодке. — Это совсем не похоже на ту красивую пьесу, которую я видел в молодости. О принцессе, уснувшей под кустом роз. Я даже не возьму в толк, о чем идет речь.

— Успокойтесь, успокойтесь! — утихомиривал Снусмумрик своих перепуганных малышей. — Ведь лев сделан из старого покрывала, которым застилают кровать!

Они не верили ему. Они видели, как лев гонялся за Дочерью Мюмлы по всей сцене. Малышка Мю вопила во всю глотку.

— Спасите мою сестру! — кричала она. — Убейте льва!

Внезапно в отчаянии она прыгнула на сцену, подбежала ко льву и вонзила свои маленькие остренькие зубки в его заднюю лапу.

Лев закричал и развалился пополам.

Зрители увидели, как Дочь Мюмлы подняла малышку Мю, и та поцеловала ее в мордочку. И еще заметили, что уже никто больше не декламирует гекзаметром, а все говорят обычно. Против этого, конечно, публика не возражала, потому что наконец поняла, о чем идет речь в пьесе.

В ней говорилось о ком-то, кого унесла громадная волна, и о тех страшных приключениях, которые он пережил, прежде чем снова вернулся домой. И теперь все были вне себя от радости и собирались варить кофе.

— Вот теперь артисты играют гораздо лучше! — сказал Хемуль.

Снусмумрик принялся поднимать своих малышей на сцену.

— Здравствуй, Муми-мама! — весело кричал он. — Ты не можешь позаботиться о них ради меня?

Спектакль становился все веселее. Мало-помалу вся публика перебралась на сцену и приняла участие в спектакле, поедая свою входную плату, которая была расставлена на обеденном столе в гостиной.

Муми-мама, освободившись от обременявших ее юбок, бегала взад и вперед, разнося чашки с кофе.

Оркестр заиграл марш хемулей.

Муми-папа сиял, радуясь шумному успеху, а Миса была так же счастлива, как на генеральной репетиции.

Вдруг Муми-мама застыла посреди сцены и уронила чашку с кофе на пол.

— Он возвращается, — прошептала она.

И все смолкло вокруг.

Слабые удары весел слышались все ближе. Позвякивал маленький колокольчик.

— Мама! — закричал кто-то. — Папа! Я вернулся домой!

— Нет, невероятно, — сказал Хемуль. — Это же мои узники! Скорее хватайте их, пока они не сожгли весь театр.

Муми-мама бросилась к рампе. Она увидела, как Муми-тролль уронил весло в воду, разворачивая лодку. В замешательстве он пытался грести вторым веслом, но лодка

кружилась на одном месте. На корме сидела маленькая худенькая хемулиха с добрым лицом и что-то кричала, но что именно — никто не мог понять.

— Спасайтесь! — закричала Муми-мама. — Спасайтесь! Полиция!

Она не знала, что такое натворил ее сын, но у нее не было сомнений в том, что она бы одобрила его поступок.

— Держите арестантов! — кричал Хемуль. — Они сожгли все таблички в парке и заставили Сторожа светиться.

Зрители сначала немного удивились, но потом поняли, что пьеса продолжается. Оставив кофейные чашки, они уселись на рампу, чтобы смотреть продолжение спектакля.

— Держите их! — в бешенстве кричал Хемуль.

Зрители зааплодировали.

— Погоди-ка, — спокойно прервал Хемуля Снусмумрик. — Здесь какое-то недоразумение. Ведь это я сорвал все таблички. А что, Сторож все еще светится?

Хемуль обернулся и впился глазами в Снусмумрика.

— Подумать только, как подешевела теперь жизнь у Сторожа, — болтал без тени смущения Снусмумрик, приближаясь к рампе. — Никаких тебе счетов за электричество. Теперь он может от себя самого зажигать трубку, а на голове варить яйца всмятку.

Хемуль не произнес ни слова. Он медленно приближался, широко расставив свои огромные лапы, чтобы схватить за ворот Снусмумрика. Вот он уже ближе и ближе, вот он бросается вперед и тут...

Вращающаяся сцена закружилась с невероятной быстротой. Они услышали, как

засмеялась Эмма, но на этот раз она смеялась не презрительно, а победно и весело.

Все произошло так быстро, что зрителям было трудно уследить за событиями. Все потеряли равновесие и попадали друг на друга; сцена же продолжала вертеться вместе со всеми. А двадцать четыре лесных малыша набросились на Хемуля и вцепились в его полицейский мундир.

Снусмумрик, словно тигр, перепрыгнул рампу и очутился в одной из пустых лодок. Лодочку Муми-тролля опрокинуло набежавшей волной. Фрёкен Снорк, Филифьонка и маленькая хемулиха поплыли к театру.

— Bravo, bravo! Дасаро!* — кричали зрители.

Как только Муми-тролля высунул мордочку из воды, он огляделся и поплыл в сторону лодки Снусмумрика.

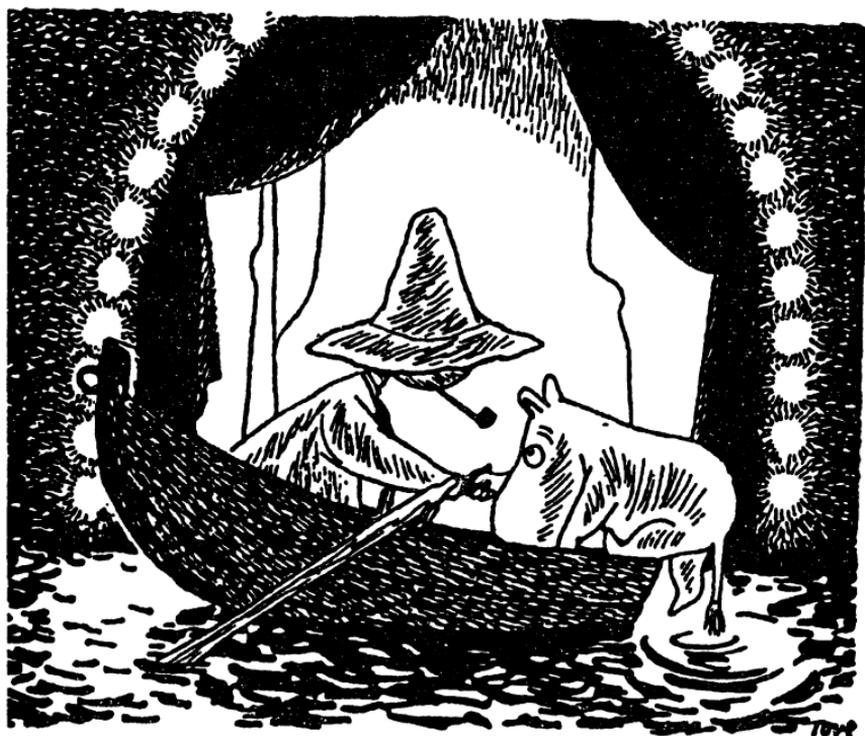
— Эй, привет! — закричал он и схватился за борт лодки. — Я ужасно рад тебя видеть!

— Привет! Привет! Забирайся в лодку, сейчас ты увидишь, как надо удирать от полицейских.

Муми-тролля взобрался в лодку, и Снусмумрик принялся грести изо всех сил; вода так и бурлила за бортом.

* Бис (итал.).

— Прощайте, детки, спасибо за помощь! — закричал Снусмумрик. — Будьте чисты, опрятны и не лазайте по крышам, пока не высохнет смола.

Хемулю наконец удалось выбраться с вращающейся сцены, высвободиться от лесных малышей и кричащих «ура» зрителей, которые осыпали его цветами. Ругаясь, он уселся в лодку и пустился вдогонку за Снусмумриком.

Но он опоздал — Снусмумрик исчез в ночи. Все кругом стало тихо.

— Ах вот оно что! Наконец-то ты явилась, — сдержанно произнесла Эмма и посмотрела на мокрую Филифьонку. — Но не думай, что театральный путь усыпан розами!

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

О Наказании и Вознаграждении

Долгое время Снусмумрик греб, не произнося ни слова. Муми-троль смотрел на привычный силуэт старой шляпы Снусмумрика на фоне ночного неба и колечки дымка от трубки, которые при полном штиле поднимались прямо вверх. «Теперь все будет хорошо», — подумал он.

Возгласы и аплодисменты доносились до них все слабее и слабее, и вот лишь всплески весел нарушают тишину.

Берега превратились в темную полоску. Собственно, говорить у них не было охоты. До поры до времени. Им некуда было

спешить: впереди было долгое лето, которое сулило исполнение всех надежд. А сейчас они были под впечатлением своей драматической встречи, переживаний этой ночи и опасного побега. С них было вполне достаточно, к чему еще разговоры! Лодка стала описывать полукруг, направляясь к берегу.

Муми-тролль понял, что Снусмумрик пытался сбить преследователей со следа.

Полицейский свисток Хемуля тревожно разрезал ночь, в ответ ему раздался новый свист.

Когда лодка врезалась в камыши под деревьями, на небе взошла полная луна.

— Теперь послушай внимательно, что я тебе скажу, — начал Снусмумрик.

— Слушаю, — ответил Муми-тролль, почувствовав, что паруса надуваются ветром приключений.

— Поспеши назад к остальным, — продолжал Снусмумрик, — забирай всех, кто хочет вернуться домой в Муми-дален, и плыви с ними сюда. Не надо тащить с собой мебель. Следует поторопиться, пока хемули не выставили сторожей в театре. Я-то их знаю. Не задерживайся в пути и не бойся. Белые ночи в июне никогда не бывают опасны.

— Хорошо, — послушно ответил Муми-тролль.

Он немного подождал, но поскольку Снусмумрик ничего больше не добавил,

Муми-троль вылез из лодки и зашагал берегом назад.

Снусмумрик сел на корму и осторожно выбил пепел из трубки. Он наклонился и выглянул из-за камышей. Хемуль уверенно держал курс вперед. Он был отчетливо виден на лунной дорожке. Снусмумрик тихонько рассмеялся и начал набивать свою трубку.

Наконец-то вода стала спадать. Медленно выползали на солнечный свет вымытые штормом берега и долины. Первыми показались

деревья. Они качали пробудившимися от сна макушками и расправляли над водой ветки, проверяя, все ли у них цело после катастрофы. Сломанные деревья торопились выпустить новые побеги. Птицы отыскивали свои старые насиженные гнезда, а выше, на склонах холмов, уже избавившихся от воды, сушилось на траве их промокшее постельное белье.

Как только вода начала спадать, все заторопились домой. День и ночь шли обитатели Муми-дален на веслах и под парусами, а когда вода совсем спала, продолжали пешком добираться до тех мест, где жили раньше.

Может быть, они отыскивали бы новые, гораздо лучшие места для жилья, раз долина их превратилась в море, но им больше нравились старые, обжитые края.

Когда Муми-мама с палкой в лапах сидела рядом с сыном на корме в лодке, она вовсе не думала о мебельном гарнитуре, который Эмма разрешила ей оставить в театре. Она думала о своем саде и беспокоилась, рассчитило ли море песчаные дорожки так же аккуратно, как это делала она сама.

Муми-мама начала узнавать знакомые места. Они гребли вдоль пролива, который вел к Одиноким горам. И она знала, что за следующим поворотом они увидят скалу, охраняющую въезд в Муми-дален.

— Мы возвращаемся домой, домой, домой! — напевала малышка Мю, сидевшая на коленях у сестры.

Фрёкен Снорк примостилась на носу лодки и любовалась подводным миром. Лодка плыла как раз над лугом, и порою ее дно с шуршанием касалось цветов. Желтые, красные, голубые, они проглядывали сквозь толщу воды и тянули свои стебельки к солнцу.

Муми-папа греб длинными, сильными гребками.

— Вы думаете, наша веранда уже поднялась над водой? — спросил он.

— Только бы нам благополучно туда добраться... — сказал Снусмумрик и испытующе посмотрел назад, через плечо.

— Дорогой мой! — ответил папа. — Мы давным-давно оставили хемулей позади!

— Не будь таким самоуверенным, — посоветовал Снусмумрик.

Посреди лодки торчал бугорок, накрытый купальным халатом. Бугорок шевелился. Муми-папа осторожно коснулся его лапой.

— Ты не вылезешь погреться на солнышке? — спросил он.

— Нет, спасибо, здесь так хорошо, — ответил нежный голосок из-под халата.

— Она же совсем без воздуха, бедняжка, — озабоченно добавила мама. — Она сидит там уже целых три дня.

— Маленькие хемулихи страшно боязливый, — шепотом пояснил Муми-тролль. — Я думаю, она вяжет. Тогда она чувствует себя гораздо увереннее.

Но маленькая хемулиха и не думала вязать. Она упорно писала в тетради с черной клеенчатой обложкой. «Запрещается, — писала она, — запрещается... запрещается, запрещается». Пять тысяч раз. Ей доставляло удовольствие заполнять страницу за страницей такими надписями.

«Все-таки чудесно быть доброй», — думала она умиротворенно.

Мама пожалала лапку Муми-троллю.

— О чем ты задумался? — спросила она.

— Я думаю о малышах Снусмумрика, — сказал Муми-тролль. — Неужели все они станут артистами?

— Кто-то из них станет, — ответила Муми-мама. — А неспособных усыновит Филифьонка. Видишь ли, она не может жить без родни.

— Но они будут скучать по Снусмумрику, — сказал с грустью в голосе Муми-тролль.

— Может, только поначалу, — возразила Муми-мама. — Он будет навещать их раз в год и посылать им поздравительные открытки ко дню рождения. Открытки с картинками.

Муми-тролль кивнул головой.

— Тогда все в порядке, — согласился он. — А Хомса и Миса... Ты видела, с какой радостью Миса осталась в театре?

Муми-мама рассмеялась:

— Верно, Миса счастлива. Она будет играть трагедии всю свою жизнь и каждый раз создавать себе новое лицо. А Хомса стал маэстро, он так же счастлив, как и Миса. Разве не счастье, когда твои друзья находят то, что им по душе?

— Конечно, — поддакнул Муми-тролль. — Это ужасно приятно.

Тут лодка остановилась.

— Мы застряли в траве, — пояснил папа, взглянув за борт. — Теперь надо идти вброд.

Все вылезли из лодки и зашагали по воде.

Маленькая хемулиха спрятала под платье что-то, чем она очень дорожила, но никто не спросил ее, что это.

Идти было трудно, так как вода доходила им до пояса. Но дно было приятное, поросшее мягкой травой, без камней. Иногда земля выступала над водой, и тогда цветущие кочки плыли им навстречу, словно райские островки.

Снусмумрик шел последним. Он был еще молчаливее, чем обычно. Все время он оглядывался и прислушивался.

— Я готова съесть твою старую шляпу, если они не отстали! — закричала Мюмла.

Снусмумрик лишь покачал головой.

Вот пролив начал сужаться. В теснине между скалистыми берегами уже виднелась нежная зелень Муми-дален. И крыша с весело развевающимся флагом...

Вот показался поворот реки и за ним мост, выкрашенный в синий цвет. Жасмин уже расцвел! Все зашагали так быстро, что вода

забурлила вокруг; они шли, оживленно обсуждая, что им предстоит сделать, когда они вернутся домой.

Вдруг резкий свист, словно хлыстом, рассек воздух.

В один миг пролив закипел хемулями, они были впереди, сзади — повсюду.

Фрёкен Снорк уткнулась головой в плечо Муми-тролля. Никто не сказал ни слова. Это было ужасно: дойти почти до самого дома и оказаться в лапах полицейских.

Хемуль шел им навстречу и остановился перед Снусмумриком.

— Ну-у? — протянул он.

Никто не ответил.

— Ну-у? — повторил Хемуль.

Тут маленькая хемулиха проворно шмыгнула вперед к двоюродному брату, поклонилась и протянула ему черную коленкоровую тетрадь.

— Снусмумрик раскаялся и просит прощения, — сказала она застенчиво.

— Это я-то... — начал было Снусмумрик. Огромный Хемуль, взглядом заставив Снусмумрика умолкнуть, открыл тетрадь и стал считать. Считал он долго, так долго, что вода успела опуститься до его лодыжек. Наконец Хемуль произнес:

— Все верно. Здесь написано «запрещается» пять тысяч раз.

— Ну? Неужели? — удивился Снусмумрик.

— Помолчи, будь добр, — попросила его маленькая хемулиха. — Мне было так весело, в самом деле, так весело!..

— А таблички? — спросил ее брат.

— Может, он развесит их вокруг моего огорода? — предложила Муми-мама. — Например: «Лесных зверюшек просят оставить немного салата, не съедать его под корень».

— Ну конечно... это вполне допустимо, — растерянно ответил Хемуль. — Тогда, пожалуй, придется вас отпустить. Но чтобы больше этого никогда не было!

— Нет, никогда, — послушно ответили они.

— А ты, пожалуй, поезжай домой, — сказал Хемуль и строго посмотрел на свою маленькую кузину.

— Конечно, если ты не сердишься на меня, — ответила она и, повернувшись к семейству муми-троллей, сказала: — Большое спасибо. Теперь я знаю, что вязать. Вы получите носочки, как только они будут готовы. По какому адресу их отправить?

— Достаточно написать «Муми-дален», — порекомендовал папа.

Весь оставшийся путь они бежали. Через вершину холма, меж кустов сирени и прямо к крыльцу. Там они остановились, и у них словно гора свалилась с плеч. Они стояли молча, чувствуя, что снова дома.

Все было как прежде. Прекрасные перила на веранде, сделанные вручную, не сломались. По-прежнему красовался подсолнечник. Бочка с водой стояла на своем месте. Гамак от морской воды посветлел и стал приятного цвета. В единственной луже отражалось небо, и она вполне годилась малышке Мю — для купания.

Казалось, будто ничего не произошло и никогда больше им не будет грозить опасность.

На садовых дорожках было полно ракушек и улиток, а вокруг крыльца лежал венок из красных водорослей.

Муми-мама заглянула в окно гостиной.

— Голубушка, не входи еще туда, — посоветовал Муми-папа. — А если войдешь, то закрой глаза. Я сделаю для тебя новую мебель, она будет копией старой, с бахромой, красным бархатом и всем прочим.

— Мне незачем закрывать глаза, — весело ответила мама. — Мне будет не доставать лишь вращающейся сцены. И я почти уверена, что на этот раз мы купим набивной бархат.

Вечером Муми-троль пошел в палатку Снусмумрика, чтобы пожелать ему спокойной ночи.

Тот сидел и курил на берегу речки.

— Теперь у тебя есть все, что надо? — спросил Муми-тролль.

— Почти все, — кивнул Снусмумрик.

Муми-тролль понюхал воздух.

— Ты что, куришь табак нового сорта? — спросил он. — По запаху он напоминает малину. Это хороший табак?

— Совсем нет, — ответил Снусмумрик. — Но я курю его только по воскресеньям.

— Вот как! — удивленно покачал головой Муми-тролль. — Да, ведь сегодня воскресенье. Ну, спокойной ночи, я пойду спать.

— Будь здоров! — сказал Снусмумрик.

Муми-тролль отправился к болотцу с прозрачно-рыжеватой водой, возле которого росло дерево с привязанным к нему гамаком для папы. Муми-тролль поглядел в воду. Да, украшения лежали на месте.

Тут он принялся искать что-то в траве.

Прошло несколько минут, пока он отыскал берестяной кораблик. Задний его штаг запутался в листочке, но был совсем цел. Даже маленькая крышка над трюмом была на своем месте.

Муми-тролль пошел обратно к дому через сад. Вечер был прохладный и тихий, мокрые цветы благоухали сильнее обычного.

Мама сидела на крылечке, поджидая его. Она что-то держала в лапе.

— Угадай, что это? — весело спросила она.

— Это шлюпка! — воскликнул Мумитроль и засмеялся.

Он смеялся не потому, что ему было очень весело, а потому что чувствовал себя бесконечно счастливым.

ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА

Главы
из автобиографической
повести

ЗЛАТОЙ ТЕЛЕЦ

Мой дедушка, мамин отец, был священником и читал проповеди в церкви перед королем. Однажды, еще до того, как его дети, внуки и правнуки заволокли нашу землю, пришел дедушка на длинный зеленый луг, окаймленный лесом и горами, да так, что луг этот похож был на райскую долину, и только с одного конца долина выходила к морскому заливу, чтобы дедушкины потомки могли там купаться.

Вот дедушка и подумал: «Здесь стану я жить и размножаться, потому как это и есть воистину земля Ханаанская*».

Затем дедушка с бабушкой построили большой дом с мансардой и множеством комнат, и лестниц, и террас, а также громадную веранду и поставили повсюду и в доме, и вне дома белую деревянную мебель. А когда все было готово, дедушка начал садовничать. И все, что он сажал, пускало корни и

*Ханаан — древнее название территорий Палестины, Сирии и Финикии. Здесь: Земля обетованная, так как в Палестину, по библейскому сказанию, Бог привел евреев из Египта. (Здесь и далее прим. перев.)

размножалось — и цветы, и деревья, пока луг не стал походить на небесный райский сад, где дедушка и странствовал, окутанный своей окладистой черной бородой. Стоило лишь дедушке указать своей палкой на какое-нибудь растение, как на него снисходило благословение, и оно росло изо всех сил, да так, что только треск стоял. Весь дом зарос жимолостью и диким виноградом, а стены веранды сплошь покрылись мелкими вьющимися розами. В доме сидела бабушка в светло-сером шелковом платье и воспитывала своих детей. Вокруг нее летало так много пчел и шмелей, что жужжание их звучало, словно слабые звуки органной музыки; днем сияло солнце, ночью шел дождь, а на альпийской горке с декоративными растениями обитал ангел, которого нельзя было тревожить.

Бабушка была еще жива, когда мы с мамой приехали, чтобы поселиться в западной комнате, где тоже стояла белая мебель и висели спокойные картины, но никаких скульптур не было.

Я была внучкой. Карин была другой внучкой, но у нее были вьющиеся волосы и очень большие глаза. Мы играли на лугу в детей Израиля.

Бог жил на горе, над альпийской горкой с декоративными растениями, там наверху было болото, куда ходить запрещалось. На

закате Бог отдыхал, распростершись и покоясь над нашим домом и над лугом в виде легкого тумана. Он мог сделаться совсем тоненьким и проникать повсюду, чтобы видеть, чем ты занимаешься, а иногда он превращался лишь в одно большое око. Вообще-то он был похож на дедушку.

Мы роптали в пустыне и непрерывно были непослушными детьми, потому что Бог страсть как любит прощать грешников. Бог запрещал нам собирать манну небесную* под цветущим золотым дождем, но мы все равно ее собирали. Тогда он наслал червяков из земли, которые сожрали манну. Но мы все равно были по-прежнему непослушными и по-прежнему роптали.

Мы все время ждали, чтобы Бог сильно-пресильно разгневался и явился нам. Мысль об этом была всепоглощающей, мы ни о чем и ни о ком не могли думать, кроме как о Боге. Мы приносили ему жертвы, мы дарили ему чернику, и райские яблочки, и цветы, и молоко, а иногда он получал совсем немножко поджаренных на жертвенном костре животных. Мы пели ему и все время молили его подать нам знак, что он интересуется, чем мы занимаемся.

* По библейскому мифу, пища, падавшая с неба для израильтян, странствовавших по пустыне.

И вот, однажды утром Карин явилась и сказала, что ей подали знак. Он послал птицу-овсянку к ней в комнату, и овсянка уселась на картину, где Иисус бредет по воде, и три раза кивнула головкой.

— Воистину, воистину, говорю я тебе, — сказала Карин, — Избранники Божьи всегда удостоиваются почестей.

Она надела белое платье и целый день ходила повсюду с розами в волосах и возносила хвалу Богу и была ужасно неестественна. Она была красивее, чем когда-либо, и я ненавидела ее. Мое окно тоже было открыто. У меня была картина с ангелом-хранителем у бездны на дороге. Я зажгла столько же жертвенных костров и собрала еще больше черники для Бога. Что же касается ропота, я была такой же непослушной, как Карин, чтобы удостоиться Небесного прощения.

Во время утренней молитвы на веранде у Карин был такой вид, словно дедушка читал проповедь только для нее. Она медленно с задумчивой физиономией кивала головой. Она скрестила руки задолго до молитвы «Отче наш». Она пела, упрямо устремив взгляд к потолку. После этой истории с овсянкой Бог принадлежал только ей одной.

Мы не разговаривали, и я прекратила и роптать, и приносить жертвы; я бродила во-

круг и так ей завидовала, что мне становилось дурно.

В один прекрасный день Карин выстроила на лугу всех наших двоюродных сестер, даже тех, которые еще не умели говорить, и стала толковать им библейский текст.

Тогда я сотворила золотого тельца*.

Когда дедушка был молод и садовничал изо всех сил, он кольцом насадил ели далеко-далеко внизу на лугу, так как хотел, чтобы у него была беседка, где можно пить кофе. Ели все росли и росли и превратились в громадные черные деревья, ветки которых сплелись между собой. В беседке всегда было совершенно темно, а вся хвоя опадала из-за того, что была лишена солнца, и ложилась на обнаженную землю. Никто не хотел больше пить кофе в еловой беседке, а охотнее сидел под золотистым цветочным дождем или на веранде.

Я сотворила своего золотого тельца в еловой беседке, потому что место это было языческим, а форма круга всегда хороша для скульптуры.

Очень тяжело было заставить ноги тельца стоять, но в конце концов все получилось,

*Теленок. «Золотой» или «Златой телец» (из библейского выражения) — символ поклонения власти золота, денег, богатства.

и я крепко приколотила их к цоколю — на всякий случай. Иногда я прекращала работу и прислушивалась, не раздастся ли первый глухой грохот — изъятие Божьего гнева. Но Бог пока ничего не говорил. И только огромный его глаз смотрел прямо вниз в еловую беседку сквозь просвет меж верхушками елей. Наконец-то я его заинтересовала.

Голова тельца получилась очень хорошо. Я работала с жестянками, тряпками и с остатками муфты и связала все это вместе шнуром. Если отойти немного и прищурить глаза, скульптура в самом деле излучала в темноте слабое золотое сияние, в особенности вокруг мордочки тельца.

Я очень этим заинтересовалась и начала все больше и больше думать о златом тельце и все меньше и меньше о Боге. Это был очень хороший золотой телец. Под конец я обложила его кольцом из камней и сложила жертвенный костер из сухих веток.

Только когда жертвенный костер был готов и оставалось лишь зажечь его, на меня снова начал напирать страх, и я застыла на месте, прислушиваясь.

Бог молчал. Быть может, он ждал, когда я вытащу спички. Он хотел увидеть, осмеюсь ли я в самом деле свершить неслыхан-

ное — принести в жертву золотого тельца и даже сплясать после этого. И тогда он спустится вниз со своей горы в облаке молний и небесных кар и покажет: он заметил, что я существую. А потом Карин может заткнуться со своей дряхлой птичкой-овсянкой и со всей своей святостью и черникой!

Я все стояла, и прислушивалась, и прислушивалась, а тишина все росла, пока не стала колоссально всеобъемлющей. Все кругом прислушивалось. Это было позднее послеполуденное время, и немного света проникало сквозь живую еловую изгородь и окрашивало ветви багрянцем. Златой телец смотрел на меня и ждал. Ноги мои начали неметь. Я шла задом наперед к просвету меж елями и все время смотрела на золотого тельца; стало светлее и теплее, и я подумала, что на цоколе можно было бы сделать надпись.

За живой еловой изгородью стояла бабушка, на ней было ее красивое серое шелковое платье, а пробор на голове — прямой, как у ангела.

— В какую игру ты играла? — спросила она и прошла мимо меня.

Она остановилась, посмотрела на золотого тельца и улыбнулась. Притянув меня к себе и рассеянно прижав к прохладному шелку платья, она сказала:

— Нет, только погляди, что ты сотворила. Маленького ягненка. Маленького агнца* Божьего.

Потом она снова отпустила меня и медленно пошла вниз лугом.

Я осталась на месте, и глазам моим стало жарко, и почва ушла из-под ног, и Бог снова переселился на свою гору и успокоился. Она даже не увидела, что это теленок! Ягненок, Боже мой! Меньше всего он похож на агнца, ничего подобного!

Я все смотрела и смотрела на своего теленка, и бабушкины слова стерли с него все золото, и ноги были уже не такими, и голова — не такая, и уж если он вообще походил на кого-нибудь, то, быть может, на ягненка. Он был нехорош. И ничего общего со скульптурой в нем не было.

Я влезла в шкаф, где хранилась всякая всячина, и сидела там очень долго и все думала. Потом я нашла в шкафу мешок и, надев его на себя, вышла на луг и стала ходить вокруг Карин, волоча ноги: колени мои были согнуты, а волосы падали на глаза.

— Что случилось? — спросила Карин.

И я ответила:

— Воистину, воистину говорю я тебе, я — великая грешница.

*Агнец — жертвенное животное.

— Ого! — сказала Карин.

Я видела, что слова мои внушили ей уважение.

А потом мы опять, как обычно, были вместе и лежали под золотистым цветочным дождем и шептались о Боге. Дедушка ходил вокруг, заставляя все расти, ангел же по-прежнему обитал на альпийской горке с декоративными растениями, словно ничего вообще не случилось.

ТЕМНОТА

За русской церковью виднеется пропасть. Мох и мусор — скользкие, а глубоко внизу валяются колючие консервные банки и светятся. Они нагромождались столетиями в штабеля, все выше и выше, прямо против темно-красного длиннющего дома без окон. Красный дом расплзается вокруг горы, и очень важно то, что он без окон. За домом раскинулась гавань — тихая и без единой лодки. Маленькая деревянная дверца на склоне горы под церковью всегда заперта.

— Не дыши, когда пробегаешь мимо этой дверцы, — сказала я Пойу. — А не то оттуда вылезут гнилостные бактерии и заберут тебя.

У Пойу вечно насморк. Он играет на пианино и постоянно держит руки перед собой так, словно боится, что на него нападут, или же словно просит прощения. Я вечно пугаю его, а он вечно тащится за мной, чтобы я его пугала.

Как только наступают сумерки, какое-то громадное серое существо начинает напол-

зять на гавань. У этого существа нет лица, зато есть отчетливо различимые руки, которыми оно, пока ползет, накрывает один остров за другим. Когда острова кончаются, существо это простирает над водой руку, чрезвычайно длинную руку, которая чуть дрожит, и начинает нащупывать Сорочий мыс. Пальцы протягиваются к русской церкви и касаются горы.

Ой! Какая большая серая рука!

Я знаю, что ужаснее всего на свете. Это каток. У меня есть шестиугольная эмблема катка, крепко пришитая к курточке. Ключ от коньков висит на шее на шнурке от ботинка. Когда спускаешься вниз на лед, каток кажется всего лишь маленьким браслетиком света, далеко-далеко в темноте. А гавань кажется морем голубого снега, и одиночества, и грустного свежего воздуха.

Пойу не бегают на коньках, потому что у него подкашиваются ноги, но мне это необходимо. За катком таится ползущее существо, а вокруг катка — кольцо черной воды. Вода дышит вокруг ледяной черной кромки, она медленно шевелится, а иногда со вздохом поднимается и переливается через край на лед.

Когда можно спастись на катке, никакая опасность уже не грозит, но впадаешь в меланхолию.

Сотни черных человеческих фигур катаются кругом, все вокруг да вокруг, все в одну и ту же сторону, решительно и бессмысленно, а посреди катка сидят в брезентовой палатке два замерзших старичка и играют. Они играют мелодию из «Рамоны».

Когда старушка моя в доме, я на катке. Холодно. Из носа течет, а когда вытираешь его, на варежках образуются сосульки. Коньки надо плотно прикрепить к каблукам. Там есть обитое железом отверстие и туда вечно набивается множество мелких камешков. Я выковыриваю их оттуда ключом от коньков. Затем еще эти негнущиеся ремешки, которые крепятся каждый в свое отверстие. А потом я катаюсь кругом на катке вместе с другими ребятами, чтобы подышать свежим воздухом и потому что эмблема катка — умение кататься на коньках — ценится очень высоко. Пугать здесь некого, все катаются быстрее меня, на катке только и слышны что скрип да скрежет, когда незнакомые тени проезжают мимо.

Лампочки качаются на ветру. Но даже если они погаснут, мы будем по-прежнему кататься в темноте, все вокруг да вокруг, а музыка будет играть не переставая, и мало-помалу проход во льду вокруг нас, проделанный ледоколом, будет становиться все шире, он начнет зиять и дышать еще сильнее,

и вся гавань превратится в сплошную черную воду с одиноким островком льда, где мы по-прежнему будем кататься веки вечные, аминь.

Рамона — писаная красавица и бледна, как невеста Грома. Детям она запрещена. Но невесту Грома я видела в музее восковых фигур. Мы с папой любим музей восковых фигур. Рамону убило молнией как раз в тот момент, когда она собралась выйти замуж. Молния ударила в миртовый венец Рамоны и вылетела через окно. Поэтому невеста Грома — босая, и можно отчетливо видеть множество голубых кривых линий на подошвах ее ног, откуда вылетела из тела молния. В музее восковых фигур видно, как легко уничтожать людей. Их можно раздавить, разорвать пополам и даже распилить на куски. Никто не может быть в чем-то уверен, и поэтому так важно вовремя поискать надежное убежище.

Я обычно пою для Пойу грустные песни. Он хотя и затыкает уши руками, но все равно слушает. «Жизнь — это остров скорби и печали, не успеешь век прожить, тут и смерть пришла — поминай, как звали!»*

* Популярная в Финляндии и Швеции песня, использованная в повести знаменитой шведской писательницы Астрид Линдгрэн «Мы на острове Сальтпока» (перевод песни Л. Брауде).

Остров скорби и печали — это каток. Мы нарисовали его, сидя под обеденным столом. Пойу рисовал с линейкой. Он рисовал каждую доску в заборе и лампочки на одинаковом расстоянии друг от друга, и карандаш его был чересчур жестким. Я рисовала только черным карандашом № 4Б. Рисовала либо мрак на льду, либо проход во льду, либо тысячу черных человеческих фигур на скрипучих коньках, которые бегали вокруг. Он не понимал, что я рисую, и тогда я брала красный карандаш и шептала: «Следы крови! Следы крови на всем катке!» И Пойу кричал, пока я переносила исполненные жестокости картинки на бумагу так, чтобы они не могли коснуться меня и навредить.

Однажды в воскресенье я научила его, как избавиться от змей, которые обитают в большом плюшевом ковре. Единственное, что нужно делать, это ходить по его светлым краям, и только по светлым узорам. Если наступишь рядом на коричневый узор — ты пропал. Там внизу змеи так и кишат, это описать невозможно, это можно только представить. Каждый может придумать себе свою собственную змею, потому что чужая никогда не будет такой ужасной.

Пойу балансировал по ковру мелкими-премелкими шажками, держа руки перед со-

бой, и жалобно размахивал большим мокрым носовым платком.

— Теперь светлые узоры будут очень узенькие. Берегись и попытайся перепрыгнуть через этот светлый цветок в середине ковра!

Цветок за спиной Пойу был положен ко-со, и узор, утончаясь, переходил в завиток. Пойу тщетно пытался удержать равновесие и отчаянно размахивал носовым платком. Он закричал, а потом упал прямо на коричневый узор. Он все кричал и кричал и катался по ковру, потом выкатился на пол и закатился под шкаф.

Я тоже кричала, ползла за ним следом, обхватив его руками, и держала, пока он не успокоился.

Незачем заводить плюшевые ковры, они опасны. Куда лучше жить в мастерской художника, где пол цементный. Поэтому Пойу вечно рвется в наш дом.

Мы копаем тайный ход через стену. Я успела выкопать довольно много и работаю, только когда дома никого нет.

Деревянная панель мало-мальски подда-лась, и тогда я взялась за мраморный молоток. Дыра, проделанная Пойу, гораздо меньше, да и у отца этого мальчонки такие скверные инструменты, что просто стыд и срам.

Каждый раз, когда в доме никого нет, я приподнимаю тканые обои и колочу дальше, и никто даже не заметил, что я делаю. Это мамины тканые обои, которые она в молодости нарисовала на мешковине. На рисунке изображен вечер. Прямые стволы деревьев поднимаются из болота, а за стволами небо багровое, потому что солнце садится. Все, кроме неба, потемнело, превратившись в какой-то неопределенный серо-бурый цвет, но узкие красные полосы пламенеют как огонь. Я люблю этот мамин рисунок. Он глубоко проникает в стену, глубже, чем моя дыра, глубже, чем гостиная в доме Пойу, он проникает в стену до бесконечности, и никогда ему оттуда не выйти и не увидеть, как садится солнце, а багрянец, окрасивший небо, на рисунке становится лишь еще ярче. Я думаю, что там горит... Там горит большущий ужасающий пожар, такой пожар, в ожидании которого вечно живет папа.

В первый раз, когда папа показал мне свой пожар, была зима. Папа шел впереди по льду, а мама шла сзади и тащила меня на санках. Было то же самое багряное небо, что и на картине, и те же самые черные фигуры людей, которые бегали. Но случилось что-то ужасное. На льду лежали черные, колючие вещи. Папа собрал их и по-

ложил мне на руки, они были очень тяжелые и давили мне на живот.

Взрыв — красивое слово, очень большое и емкое. Позднее я научилась другим словам, таким, которые шепчут, только когда остаются одни: «Неумолимый. Орнаментика. Профиль. Катастрофичный. Наэлектризованный. Лавка Колониальных Товаров».

Слова эти становятся еще крупнее, если их повторяют множество раз. Их шепчут и шепчут без конца, и каждое слово все растет и растет до тех пор, пока ничего иного, кроме этого слова, не остается.

Я все думаю, почему пожар всегда бывает ночью? Может, папа не обращает внимания, когда пожар бывает днем, потому что небо тогда не становится багровым. Папа всегда будил нас, когда случался пожар, и мы слышали, как воеет пожарная машина; надо было спешить, и мы бежали по совершенно пустынным улицам. Дорога к папиному пожару была ужасно длинной. Все дома спали, простирая трубы к багровому небу, которое все приближалось и приближалось, и в конце концов мы оказывались там, где горело, и папа поднимал меня на руки и показывал огонь. Но иногда это был плохонький маленький пожарец, который давным-давно погас, и тогда папа обижался, бывал подавлен и приходилось его утешать.

Маме нравятся только маленькие пожары, которые она устраивает тайком в пепельнице. И огонь в печке или камине. Она разводит огонь в мастерской и в коридоре каждый вечер, когда папа выходит поискать знакомых.

Когда огонь разгорается, мы подтаскиваем к нему большое кресло. Мы гасим свет в мастерской и сидим перед огнем, а мама начинает рассказывать: «Жила-была маленькая девочка, такая жутко красивая, и ее мама так жутко любила ее...» Каждая история должна начинаться одинаково, а потом уже не обязательно говорить так уж точно. Мягкий медленный голос звучит в теплой темноте, а ты смотришь в огонь, и никакая опасность на свете не грозит тебе. Все иное где-то снаружи и не может войти в дом. Ни теперь, ни когда-нибудь потом.

У мамы длинные темные волосы, они окутывают ее, словно облако, они вкусно пахнут, они как у печальных королей в моей книге. Самая красивая картинка занимает целую страницу. На картинке изображен ландшафт в сумерках — равнина, поросшая лилиями. По всей равнине бродят бледные королевы с лейками. Та, что ближе всех, невероятно красива. Ее длинные темные волосы мягкие, словно облако, и художник осыпал их блестками, возможно, покрыл их краской, когда

все уже было готово. Профиль королевы мягок и серьезен. Всю свою жизнь она ходит в этой книге и только и делает, что поливает цветы, и никто не знает, какая она красивая и печальная. Лейки нарисованы настоящей серебряной краской, а откуда у издательства нашлись на это средства, не понимаем ни мама, ни я.

Мама часто рассказывает о Моисее, о том, как его нашли в тростнике, и что было потом; об Исааке и о народе, который тоскует по дому, по своей собственной стране, или который сбивается с пути, блуждая по пустыне, а потом находит дорогу; о Еве и змие в раю и о страшных ураганах, которые наконец-то успокаиваются. Большинство людей, во всяком случае, тоскуют по дому и чуточку одиноки, они прячутся в своих собственных волосах, и их превращают в цветы. Иногда их превращают в лягушек, и Бог не спускает с них глаз и прощает их, если только не рассержен и не оскорблен и не уничтожает целые города за то, что жители их веруют в других богов.

Моисей тоже время от времени бывал несдержан. Женщины же только и делали, что томилась в ожидании и тосковали о доме. «О, я поведу тебя в твою собственную страну, или какую только ты захочешь во всем

мире, и нарисую блестки в твоих волосах, и выстрою тебе замок, где мы будем жить, пока не умрем, и никогда-никогда не предадим друг друга!» А в глухом и дремучем бескрайнем лесу, «где было раздолье ветрам и тучам», брел однажды всю ночь напролет маленький ребенок, а ночь была такая длинная, лес такой темный, а дорога узкая, и ребенок шел и плакал от одиночества, плакал и думал:

*Уже никогда я
Жилья отца не найду, блуждая,
В непроходимом этом бору
От жажды и голода я умру.**

Очень обнадеживающе! Так бывало, когда мы оказывались уже в безопасности, за порог двери дома.

Папины скульптуры медленно шевелились вокруг нас при свете огня, его печальные белые женщины делали осторожные шаги и все, как одна, готовы были убежать. Они знали об опасности, которая таится повсюду, но ничто не могло их спасти, прежде чем скульптуры не вырубят из мра-

* Популярная в Финляндии и Швеции песня, использованная в рассказе Астрид Линдгрен «Рождество в Смоланде в давние-давние дни» (перевод песни М. Яснова).

мора и не поместят в музей. Там они будут в безопасности. В музее, или где-нибудь на высоте сажени, или в дупле дерева. Но по возможности под крышей. Однако лучше всего, вероятно, сидеть на высоком дереве, если только ты не лежишь еще в животе у мамы.

КАМЕНЬ

Он лежал между кучей угля и товарными вагонами под несколькими обломками досок, и просто чудо Божье, что никто не нашел его раньше меня. С одной стороны весь камень сверкал серебром, а если стереть угольную пыль, то видно, что серебро есть и внутри камня. Это был гигантский камень из чистого серебра, и никто еще не нашел его.

Я не посмела спрятать его, ведь кто-нибудь мог подсмотреть, подойти и взять его, пока я сбегаяю домой. Камень пришлось катить. И если бы кто-нибудь появился, чтобы помешать мне, я уселась бы на камень и закричала благим матом. Я могла бы укусить тех, кто попытался бы поднять камень. Я была способна на все.

И вот я начала катить камень, медленно-медленно. Он только опрокидывался на спину и тихо лежал, а когда я снова попыталась поднять его, он улегся на живот и закачался. Серебро сошло с него и остались мелкие тоненькие шелушинки, которые застревали

в земле и разваливались, когда я пробовала выковырять их оттуда.

Я встала на колени и покатила камень, дело пошло лучше. Но камень поворачивался лишь на пол-оборота за раз, и это отнимало ужасно много времени. Пока я катила камень вниз в гавани, никто не обращал на меня внимания. Когда же я перетащила камень на тротуар, стало труднее. Люди останавливались и стучали своими зонтами о тротуар и говорили множество разных слов. А я ничего не говорила, я только смотрела на их ботинки. Надвинув шапочку на глаза, я только все катила и катила камень, думая, что потом придется перетаскивать его через улицу. Я катила камень уже много часов подряд и ни одного единственного раза не подняла глаз и не слышала ничего из того, что мне говорили. Я только смотрела на серебро, присыпанное сверху угольной пылью, и на прочую грязь и старалась занять как можно меньше места там, где ничего другого, кроме камня и меня, не было. Но вот наконец надо перетаскивать камень через улицу.

Одна машина за другой проезжали мимо, а иногда и трамвай, и чем дольше я ждала, тем труднее было катить камень по улице.

В конце концов ноги мои начали дрожать, и тогда я поняла, что слишком поздно, что уже через несколько секунд будет слишком поздно, поэтому я столкнула камень в водо-

сточную канаву и очень быстро покатила, не поднимая глаз.

Я держала камень как раз перед самым носом, чтобы пространство, в котором мы с ним укрывались, было поменьше, и очень хорошо слышала, как останавливались и злились автомобили, но я держала их на расстоянии и только все катила и катила камень. Можно совершенно отключиться, если что-то для тебя достаточно важно. Тогда все хорошо. Сжимаешься и закрываешь глаза и все время произносишь одно важное слово, произносишь его до тех пор, пока не почувствуешь уверенность в себе.

Когда я подошла к трамвайным рельсам, я уже настолько устала, что навалилась на камень, держась за него. Но трамваи только и делали, что звонили и звонили без конца, да так, что мне пришлось снова покатить камень дальше, и теперь я больше не боялась, а только злилась, и от этого чувствовала себя гораздо лучше.

Вообще-то камень и я занимали такое маленькое пространство, что ровно ничего не значило, кто кричал и что кричали все эти люди. Мы с камнем были ужасно сильными. Мы снова как ни в чем не бывало поднялись на тротуар и продолжали подниматься в гору по улице Лотсгатан. За нами тянулась узкая дорога, вся из чистого серебра. Иногда мы

с камнем отдыхали, а потом снова продолжали путь.

Мы вошли под арку ворот и открыли дверь, а потом начались лестничные марши. Но если встанешь на колени и все время крепко держишь камень обеими руками и ждешь, пока установится равновесие, все получается. Затем поднатуживаешься, задерживаешь дыхание и прижимаешь запястья к коленям. Потом поднимаешь камень вверх быстро-быстро — и через край ступеньки, и живот снова расслабляется, а ты прислушиваешься и ждешь, но подъезд совершенно пустой. А потом все снова происходит точно так же.

Когда за поворотом лестница становится узкой, нам приходится переместиться к стенке. Мы медленно поднимаемся наверх, но никто так и не появляется. Тут я снова наваливаюсь на камень и только пытаюсь отдышаться и смотрю на серебро. Серебро, которое стоит так много миллионов. Еще только четыре этажа, и мы у цели.

На пятом этаже это и произошло. Рука в варежке соскользнула, я упала вниз лицом и лежала абсолютно тихо, слушая ужасающий звук падающего камня. Звук становился все громче и громче, он разбивал на мелкие кусочки, и сокрушал, и пугал всех и вся, а под конец — мягкий звук тяжелого, неловкого

падения — «бум», как в Судный день, когда камень ударился о ворота Немезиды*.

Настал конец мира, и я закрыла глаза варежками. Но ничего не произошло. Громкое эхо поднялось наверх и спустилось вниз по лестнице, но ничего не произошло. Никакие злые люди не вышли из своих дверей. Но, быть может, они подслушивали у дверей в своих квартирах.

Я снова поползла вниз на четвереньках. У каждой ступеньки лестницы были отбиты кусочки в виде маленького полукруга. Гораздо ниже это были уже большие полукруги и куски камня валялись повсюду и таращили на меня глаза. Я откатила вниз камень от ворот Немезиды и начала все с самого начала. Мы снова двинулись наверх, стойко и не глядя на разбитые ступеньки. Мы прошли мимо места, где камень сорвался, и немного отдохнули перед балконной дверью. Она — темно-коричневая, с мелкими квадратными стеклышками.

И тут я услышала, что дверь на улицу открылась и снова захлопнулась, а кто-то стал подниматься по лестнице. Этот кто-то все шел и шел очень медленными шагами. Я подползла к перилам и глянула вниз.

*В греческой мифологии богиня, наблюдающая за справедливым распределением благ среди людей и обрушивающая свой гнев на тех, кто преступает Закон.

Я увидела весь лестничный пролет до самого дна, увидела длинный узкий прямоугольник, который до самого низу был зашнурован лестничными перилами, а по перилам, крепко сжимая их, шествовала, все приближаясь и приближаясь, большая рука. На руке — посредине — было пятно, так что я узнала татуированную руку дворника, поднимавшегося по лестнице скорее всего на самый верх, на чердак.

Я открыла как можно тише балконную дверь и начала перекатывать камень через порог. Порог был высокий. Я перекатывала бездумно, я очень боялась и поэтому не удержала камень, и он покатился наискосок к дверной щели и застрял... Там было две двери, и у каждой наверху — по металлической пружине, которые поставил дворник, потому что женщины всегда забывали закрывать двери. Я слышала, как пружины сжимаются, медленно наседавая на камень и на меня. Они пели очень тихими голосами. Я подтянула ноги, бросилась на камень, схватила его и попыталась катить, но пространство становилось все уже и уже, а я знала, что рука дворника все время скользит по перилам лестницы.

Совсем близко видела я серебристый камень, и я вцепилась в него, и катила его, и упиралась ногами... И тут вдруг он опрокинулся, покатился и, сделав несколько

оборотов, нырнул под железные перила, повис в воздухе и исчез.

Я видела лишь клочья пыли, легкие и воздушные, как пух, и кое-где мелкие жилки краски.

Я лежала, распростершись на животе, дверь прищемила мне шею, и было совершенно тихо до тех пор, пока камень не упал на двор. И там он разбился на куски, как метеор, он покрыл серебром все мусорные баки, и баки, где кипятилось грязное белье, и все окна и лестницы! Камень посеребрил весь дом № 4 по улице Лотсгатан, когда, разбившись вдребезги, открыл свое сердце, и все женщины кинулись к окнам, думая, что разразилась война или настал Судный день! Каждая дверь отворилась, а все жители дома во главе с дворником забегали вверх-вниз по лестницам и увидели, что какое-то чудовище отбило по куску от каждой ступеньки, а с неба упал вниз метеор.

Я лежала, зажатая между дверями и так ничего и не сказала. Ничего не сказала я и потом. Никто так и не узнал, как близки мы были к тому, чтобы разбогатеть.

ПИРУШКА

Иногда я просыпалась по ночам от звуков прекраснейшей музыки, какая только есть на свете, и это были звуки балалайки и гитары. Папа играл на балалайке и на гавайской гитаре, оба инструмента играли вместе, очень тихо, почти шепотом, пребывая где-то далеко-далеко, а потом звуки все приближались и приближались, уступая место друг другу, так что иногда звучала балалайка, а иногда гитара.

Это были нежные и меланхолические песни о делах, которые все только продолжают и продолжают, и с которыми никто ничего не может поделать. Затем песни становились дикими и смутными, а Маркус вдребезги разбивал свой бокал. Однако он никогда не разбивал больше одного бокала, и папа следил за тем, чтоб он пил из дешевого бокала. Навверху под потолком над антресолями, где я спала на нарах, нависал туман табачного дыма, еще усиливавший ощущение нереальности. Мы плыли в море или, быть может, были среди высоких гор, и я слышала, как

гости и отец перекликались меж собой сквозь дымную завесу и как падали разные вещи, а под аккомпанемент мощных звуков балалайки и гитары слабее или сильнее ударялись о берег волны.

Я люблю папины пирушки. Они могут тянуться много ночей подряд, и я люблю просыпаться и снова засыпать и чувствовать, как убаюкивают меня дым и музыка, а потом вдруг раздается внезапный вопль, пронзающий холодом сквозь тепло, вплоть до самых ступней ног.

Смотреть на все это не стоит, потому что тогда исчезает то, что придумываешь сам. Так бывает всегда. Ты смотришь на них сверху, а они сидят на диване и на стульях или медленно ходят вокруг по гостиной. Кавен, друг отца, художник, сидит скрючившись над гитарой, словно пытаюсь спрятаться в ней, его лысая голова плавает, будто бледное пятно, в тумане, и он опускается все глубже и глубже. Папа очень статный и смотрит прямо перед собой. Другие иногда спят — от пирушки очень устаешь, но домой они не уходят, потому что важно попытаться заснуть последним. Папа обычно выигрывает пари и засыпает после всех. Когда все остальные спят, он бодрствует и смотрит и думает до самого утра.

Мама не пирует с ними, она следит за тем, чтобы керосиновая лампа не коптила в

спальной. Спальная — это наша единственная настоящая комната, кроме кухни; я имею в виду, что там есть дверь. Но там нет печи. Поэтому керосиновая лампа горит всю ночь. Если откроешь дверь, то табачный дым проникает в комнату, и у Пера Улова начинается приступ астмы. С тех пор как у меня появился братик, с пирушками стало гораздо труднее, но папа с мамой пытаются все-таки устроить все самым наилучшим образом.

Самое красивое — это стол. Иногда я встаю и смотрю на этот стол через балюстраду и щурюсь, и тогда начинают мерцать бокалы, и свет, и все вещи, накиданные друг на друга и составляющие единое целое, как на картине. Цельность — это очень важно.

Некоторые только изображают вещи, забывая о цельности. Я знаю достаточно. Я знаю много такого, о чем не рассказываю.

Все мужчины пируют, и они между собой товарищи, которые никогда друг друга не предают. Товарищ может говорить тебе ужасные вещи, но завтра это все забыто. Товарищ не прощает, он только забывает, а женщина — она все прощает, но не забывает никогда. Вот так-то! Поэтому женщинам пировать нельзя. Очень неприятно, если тебя прощают.

Товарищ никогда не говорит ничего умного, что стоит повторить на следующий

день. Он только знает, что теперь ничего такого важного нет.

Однажды папа и Кавен играли с пультом, который может запустить аэроплан. Я не думаю, что Кавен понимал, как действует этот пульт, потому что он выстрелил не в ту сторону, и самолет врезался в руку художника так, что пропеллер пробил ее насквозь. Это было ужасно, и кровь залила весь стол, и Кавен не мог даже надеть пальто, потому что самолет не влезал в рукав. Папа утешал Кавена, он поехал с ним в больницу, где пропеллер отщипнули клещами, а самолет поставили в больничный музей.

На пирушке может случиться все что угодно, если делаешь что-то, не подумав прежде.

Мы никогда не пируем в мастерской, а только в гостиной. Там два высоких сводчатых окна наверху и вся бабушкина и дедушкина мебель из бородавчатой березы с завитушками. Это напоминает маме о стране*, где все обстоит так, как должно быть.

Вначале мама очень боялась пирушек и расстраивалась из-за дыр, прожженных сигаретами, и кругов на столе, оставленных бокалами, но теперь она знает, что это па-

*Мать Янссон приехала в Финляндию из Швеции. Вероятно, эта страна и имеется здесь в виду.

тина*, которая со временем непременно появляется.

Мама прекрасно устраивает пирушки. Она не выставляет все сразу на стол и никогда не приглашает гостей. Она знает: единственное, что создает настроение — это импровизация. «Импровизация» — красивое слово. Папе приходится выходить на улицу и искать знакомых. Они могут найтись где угодно и когда угодно. Иногда их нет вовсе. Но часто они есть. И тогда появляется желание куда-то пойти. Вот они куда-то и причаливают. Это важно.

Потом нам говорят, чтобы мы мимоходом заглянули, нет ли чего-нибудь в кладовке. И ты тихонько идешь и заглядываешь туда, а там чего только нет! Ты находишь там и дорогие колбасы, и бутылки с вином, и каравай хлеба, и масло, и сыр, и даже воду Виши, и занносишь все это в комнату. Это и есть «импровизация». У мамы уже все готово.

Вообще-то вода Виши опасна. От нее пучит живот, и от этого становишься очень меланхоличным. Эту воду никогда ни с какой другой смешивать нельзя.

* Образующийся от времени налет на старинной бронзе. Здесь скорее всего предполагается неизбежность происходящего.

Постепенно все свечи на балюстраде гаснут, и стеарин капает на диван в гостиной. После музыки начинаются воспоминания о войне*. Тогда я жду немножко под одеялом, но всегда поднимаюсь снова, когда они нападают на плетеное кресло. Папа снимает свой штык, висящий над мешками с гипсом в мастерской, и все вскакивают и орут, и тогда папа нападает на плетеное кресло. Днем оно прикрыто тканым ковром, так что даже не увидишь, какое оно. После нападения на кресло папа больше не хочет играть на балалайке. А потом я только сплю.

Назавтра гости все еще здесь и пытаются говорить мне приятные слова. «С добрым утром, прекрасного дня, милая девица, Кипра веселая утренняя звезда». Мама получает подарки. Руококоски подарил ей однажды четверть килограмма масла, а однажды она получила от Саллинена целых два десятка яиц.

Утром очень важно не начинать уборку слишком рано. И если впустить в комнаты печальный свежий воздух, кто угодно может простудиться или впасть в дурное настроение. Важно, чтобы переход к новому дню был очень медленным и ласковым. При дневном свете все видится совсем иначе, и если разница слишком велика, можно все испор-

* Вероятно, речь идет о Первой мировой войне.

тить. Нужно мирно расхаживать и пощупать все своими руками и думать о том, чего тебе, собственно говоря, хочется.

А хочется всегда, каждый день, но ты по-настоящему не знаешь, чего тебе хочется. Но под конец ты думаешь, что, может, тебе хочется селедки. И тогда ты заходишь в кладовку и смотришь, а там и в самом деле лежит селедка.

Затем день медленно движется вперед, и наступает новый вечер, и, быть может, зажгут новые свечи. Все ужасно боятся друг друга, они ведь знают, как мало нужно, чтобы утратить равновесие и поссориться.

Я ложусь спать и слышу, как папа настраивает балалайку. Мама зажигает керосиновую лампу. У нас в спальней окно — совершенно круглое. Ни у кого больше нет круглого окна. Оттуда можно смотреть через все крыши и через гавань, и все окна вокруг становятся черными, кроме одного. Это окно под большим пустым брандмауэром художника Виктора Эка. Свет горит там всю ночь. По-моему, они там тоже пируют. А может, они иллюстрируют книги.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПАСНОЕ ЛЕТО

Перевод Л. Брауде, Е. Паклиной

ПЕРВАЯ ГЛАВА

О берестяном кораблике и огнедышащем вулкане

9

ВТОРАЯ ГЛАВА

О том, как ныряют, чтобы раздобыть завтрак

28

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

*О том, как знакомятся с домом, где водятся
привидения*

40

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

*О тщеславии и о том, как опасно ночевать
на дереве*

58

ПЯТАЯ ГЛАВА

О том, что бывает, когда свистят в театре

77

ШЕСТАЯ ГЛАВА

О том, как отомстили Сторожу парка

87

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

*Об опасностях, которые грозят в ночь летнего
солнцестояния*

101

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

О том, как пишут пьесу

112

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Об одном несчастном папе

124

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

О генеральной репетиции

130

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

О том, как обманывают тюремного надзирателя

142

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

О премьерe пьесы

153

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

О Наказании и Вознаграждении

169

ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА

Главы из автобиографической повести

Перевод Л. Брауде

ЗЛАТОЙ ТЕЛЕЦ

185

ТЕМНОТА

194

КАМЕНЬ

206

ПИРУШКА

213

Янссон Т.

Я 65 **Опасное лето: Повесть-сказка. Дочь скульптора: Автобиографическая повесть / Пер. со швед. Л. Брауде и Е. Паклиной. — СПб.: Азбука, 1998. — 224 с.**

ISBN 5-7684-0620-4

ISBN 951-50-0878-6 (фин.)

Из книжки «Опасное лето» юный читатель сможет узнать для себя много интересного. Например, как нырять, чтобы раздобыть завтрак, или о том, как писать пьесу...

Литературно-художественное издание

Тове Янссон

ОПАСНОЕ ЛЕТО

*

ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА

Главы из автобиографической
повести

Ответственная за выпуск *Наталья Соколовская*

Редактор *Людмила Лебедева*

Художественный редактор *Вадим Пожидаев*

Технический редактор *Татьяна Тихомирова*

Корректоры *Татьяна Андрианова,*

Татьяна Бородулина

Верстка *Алексея Положенцева*

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать 20.08.98. Печать высокая.

Формат издания 84×108¹/₃₂. Гарнитура Академическая.

Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 11,76. Изд. № 620. Заказ № 1837.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГПП «Печатный Двор»

Государственного комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

**Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)**

Всё о туми-троллях

Маленькие тролли
и большое наводнение

Комета прилетает

Шляпа Волшебника

Мелзавры паны Туми-тролля

Опасное лето

Волшебная зима

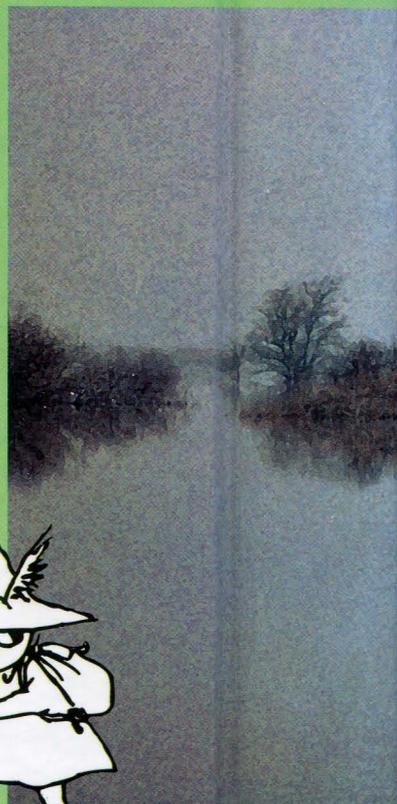
Дитя-невидимка

Папа и море

В конце ноября

ТУВЕ
ЯНССОН
ОПАСНОЕ
ЛЕТО

ISBN 5-7684-0620-6

9 785768 406202